

* * *

*В малярийном сгорая чаду,
Под грозою на лапнике мокрым
Я в горячем полубреду,
Вдруг увидел себя
Белым волком:
Белый, белый,
Не лебедь, а волк,
Даже в стае —
Мишень для расстрела.
Почему?
Не возьму себе в толк,
Почему я не пепельно-серый?
Почему приговором звучит
Белый цвет
Среди серых, жестоких?
Хохотать будет филин в ночи,
Днём — трещать надо мною сороки
Всё о том, как мой путь одинок
Средь собратьев по крови и вере.
И никак не возьму себе в толк,
Почему, как все волки, не серый?*

Николай Тельпухов

Лебедь Черная

Болотное
2022

ББК 84(2=411.2)6-5
Т 31

Проект администрации
Болотнинского района

Тельпухов Н.И.

Т 31 Библиотека «Писатели-земляки»: Книга серии болотнинских авторов «Лебедь Черная». — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2022. — 256 с.

Запах полей, таежных ветров, тайна степей, искренняя, спокойная, тревожная жизнь и вечный поиск смысла жизни — все это вы найдете в стихах замечательного русского поэта Николая Ивановича Тельпухова. При всей сложности поднимаемых автором тем он нежен, бережлив, тонко чувствующий человек, не способный осудить, все понимающий и оттого вечно страждущий. Прочитав книжку, вы поймете, как важны нам творческая теплота и нежность настоящего мужского сердца поэта.

ISBN 5—86272—120—8

© Администрация Болотнинского района
Новосибирской области, 2022
© ИД «Историческое наследие Сибири», 2022

ЗЕЛЕНЬИ ЧАИ

Из окна моей детской комнаты, с высоты второго этажа, хорошо был виден заснеженный просторный двор, высокий сеновал напротив, а под ним — теплые бревенчатые стайки, но только в нашей, самой крайней справа, жила корова Зорька. А если расплющить нос и посмотреть направо, то была видна труба «красного уголка» Дистанции пути, а слева — красная и очень красивая водонапорная башня. Наступал 1963 год. На улице бушевала вечерняя и обильная метель, а в доме вихрилась и путалась своя суета — готовился новогодний стол, уже подходили гости с подарками, и в моём укромном углу, как и у старшей сестренки, копились конфеты и душистые апельсины. Потом пришли гости, и с клубами пара в коридор протиснулись девочка, основательно укутанная шалью, и мальчишка в шапке с опущенными и завязанными под подбородком ушами. Мама начала помогать им раздеваться, а взрослым крикнула, выглянув на лестницу:

— Там веник в углу, обметайтесь.

Женщины все время смотрелись в зеркало, которое отец недавно прикрепил к стене в коридоре. Они украшали себя блёстками, кокетничали и смеялись. Но вот отец пронёс в гостиную комнату огромную чашку с парящим картофелем и все, как по команде, расселись за праздничным столом.

— Наливай! — командовал отец и ловко откупорил бутылку водки, ловко сорвав с горлышка пробку в виде металлической бескозырки.

— Хлеб! — всплеснула руками мама. — Опять про хлеб забыла!

Она умчалась на кухню, а я хочу признаться, что всю последующую жизнь она всегда забывала поставить на стол хлеб.

— А что, Тельпухова не будет?

— Николая Ивановича редактор в Кандереп отправил, срочный репортаж в первый номер.

— А на чём он в такую метель?

— Он на райкомовской кошёвке*.

— На кошёвке — это полегче? А что другого дня не нашлось?

— Товарищи, да что вы волнуетесь, в Кандерепе он Новый год встретит, не дурак же он в такую метель ехать — перемело даже в Болотном.

Мы играли в детской комнате, потом в просторном коридоре, потом на печи и полатях, но самое интересное, конечно, разыгрывалось за столом. Гости уже шумели и наперебой предлагали тосты. Отец решил похвастаться новым приобретением — радиолой «Рекорд» и поставил пластинку с модной песней: «Течет река Волга, а мне семнадцать лет». Но на него зашумели и сказали убрать музыку. И опять тосты, и уверенные разговоры о новом счастье и достижениях. И вот наступил торжественный момент Нового года: включили радиолу и все встали в ожидании Кремлевских курантов. Но дверь вдруг отворилась, и в дом ввалился Тельпухов, весь в снегу. Он сорвал шапку-ушанку, обрызгал нас холодным снегом и закричал:

— Я приехал, ребята! Я прорвался!

— Коля! Ты?!

В это время в приемнике ударили куранты.

— Один! Два! Три! — считали все хором, а Тельпухов уже скидывал тулуп, под которым оказалось ещё и пальто. — Четыре! Пять! Шесть! — для его прибора разгребли место на столе, тут же шумно раздвинули стулья для табурета. — Семь! Восемь! Девять!

— Коля! Держи! — мама протянула Тельпухову фужер:

— Десять! Одиннадцать! Ура!!! — И гимн! Самый лучший гимн в мире, самой счастливой страны — Советского Союза.

* Кошёвка — легкие сани с плетеными бортами.

Тельпухов нам очень понравился, он был самым смешным. Он бурно рассказывал, как кандерепские мужики проводили его, пробивая, как трактором, дорогу своими тяжелыми санями, перед его легкой кошёвкой до самой Турнаевской развилки, и только потом отпустили одного ехать в Болотное. Задание он выполнил, передовиков сфотографировал, интервью взял и теперь в первом новогоднем номере газеты «Путь Ильича» будет обширный рассказ о героях Кандерепа.

Мы с сестрой и малыми гостями сидели под праздничным столом и шалили. Нас пару раз уже выгоняли, но мы по-партизански пробирались опять в комнату и прятались под столом. Вдруг Тельпухов отодвинул свой табурет и сказал:

— Ребята! Я такое стихотворение сегодня написал! Хотите, прочту? — и, не дожидаясь согласия гостей, он встал на табурет и в его руке чудесным образом появился тетрадный лист бумаги, и он начал читать:

Вы пили чай,
Заваренный смородиной,
Побегами почти с загаром девичьим
И листьями, как башенки, зубчатыми,
Прохладными от утренней росы.

Николай Иванович не читал, он кричал свое стихотворение, делая удивительные акценты, то возвышая голос до громогласного, то понижая, чуть ли не до шепота:

Встревоженные,
Лягут вам в ладони,
Пахнут в лицо лесной глубинной свежестью.
Потом, в реке промытые, повиснут,
Покорные,
Смиренно и бессильно.

Я слушал и не понимал, почему, если это стихотворение, то такое нескладное. Я уже знал несколько и они все читались легко и в рифму:

Молитвенно сложив ладони листьев
Над котелком с клокочущей водой
И на минуту ярь смирив кипенья,
Вдруг одарят нежнейшим ароматом,
Таким исконно русским,
Что с другими
Его не перепутать никогда.

Мне показалось, что комната наполнилась запахом смородины. Тельпухов спустился с табурета со счастливым видом победителя, и все разом и вдруг захлопали в ладоши.

А я понял, что к нам домой пришел настоящий поэт.

Николай Чуховской

Болотное, 1963 год

НЕ ОСКУДЕЕТ ТАЛАНТАМИ ЗЕМЛЯ НАША СИБИРСКАЯ!

По профессии я не филолог, но ведь стихи, как и музыка, рождаются все-таки не для профессионалов. Поэтому и мы, простые читатели и слушатели, имеем право высказывать свое мнение о том или ином произведении. Конечно, оно будет отличаться от тонкого анализа умудренного критика, оно может даже не совпадать в решающей оценке... Тем не менее, для поэта, как и композитора, мнение обыкновенных читателей или слушателей имеет, думаю, столь же важное значение, как и критическая рецензия литературоведа или музыковеда. Да простят меня профессиональные критики, но я все-таки рискну сказать несколько слов о стихах Николая Ивановича Тельпухова от имени простого читателя.

Познакомились мы сравнительно недавно, четыре года назад, когда я, вместе со своим археологическим отрядом, прибыл на раскопки, находящегося в Здвинском районе Новосибирской области, уникального памятника, получившего известность как древний город Чичабург. О директоре местного краеведческого музея, энтузиасте, и страстном любителе древностей Н. И. Тельпухове, мне довелось слышать и раньше. (Надо сказать, что на таких энтузиастах, по существу, и держится у нас в России всё историческое краеведение!). И вот — познакомились...

Сказать, что Николай Иванович стал нашей поддержкой и опорой — значит ничего не сказать. Он стал душой наших работ, самым заинтересованным слушателем и восторженным ценителем. Он организывает экскурсии ребятишек, приезжающих к нам на раскопки из соседних деревень, подключает телевидение, сам замечательно рассказывает в районной газете об археологии.

Не оскудеет талантами земля наша сибирская! ❖❖❖❖❖❖❖❖

разбудить струны души, проникнуть в самую её глубину, растревожить, или, наоборот,— успокоить. И, по существу, мне не важно, что скажет когда-нибудь о стихах Тельпухова его величество литературный критик. Мне важно, что стихи эти по-настоящему трогают меня, да и, кстати, не только меня, а и многих моих коллег и друзей. Думаю, не случайно их неоднократно уже печатала наша профессиональная газета «Наука в Сибири».

И еще. Не могу не сказать об этом уже как профессионал. Тельпухов прекрасно знает историю (и не только Сибири). Это позволяет ему делать удивительно точные поэтические зарисовки, пишет ли он о чичабургской шаманке или скифских героях, хане Кучуме или трагедии Помпеев. Все это как-то удивительно живёт в нём, точнее,— он живёт историей Человечества, черпая в ней силы и вдохновение.

Академик

Вячеслав Молодин

г. Новосибирск, 2003 год

НЕУТОМИМЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Было это лет пятнадцать назад. Собрали нас, редакторов районных газет области, на трёхдневную учёбу в пансионате «Сосновка», что под Бердском. Я жил в одном номере с Тельпуховым. Вечером, после занятий, к нам на «чай» зашли коллеги-«районщики», естественно, со своим напитком. Как водится, после первой же стопки заспорили о делах газетных... О свободе слова, о плохом финансировании, о проблемах с кадрами и прочих «мелочах». Жаркий спор разгорелся! Однако вскоре Тельпухову, видимо, наскучила наша бесконечная и пустопорожняя говорильня. И он неожиданно её прервал:

— Эх, молодёжь! Чего вы ерепенитесь?! Жизнь коротка. Учитесь, коли вас, балбесов, учат, а делайте — по своему разумению. По таланту, так сказать. Важно другое... Мой учитель Михаил Кубышкин, был такой поэт, он сидел на Колыме ещё при Сталине, говаривал... «Коля, живи по эковскому принципу: “не верь, не бойся, не проси”»...

— Что ж, Николай Иванович, может, нам всем на Колыму за наукой махнуть?..

Саша Сидоренко, редактор каргатской газеты «За изобилие», мой давнишний друг, который, между прочим, совсем не употребляет спиртного, окинул компанию своим хитрым хохляцким глазом и, задумав несколько разрядить ситуацию, шепнул мне на ухо:

— Колян, давай свой коронный номер!

— Погоди, погоди, Николай Иванович! — моментально откликнулся я и решил «завести» Тельпухова с полуоборота. — Барахло твой Есенин! Бабник, хулиган и алкаш... Одним словом, забуддыга. Кабаки, девки, гармошка... Если бы он не пил, не куролесил, знаешь, сколько бы он стихов написал?! А если бы ещё на Колыме посидел...

— Колька, заткнись! Ты ничего не понимаешь в стихах, хотя и кропаешь там чего-то... Ты только послушай!..

Николай Иванович бросил на стол свои толстые роговые очки, зыркнул по сторонам, увидел пустующий стул, вскочил на него и, словно монумент, чуть задрвав подбородок и вскинув руку к потолку, начал:

— Сумасшедшая, бешеная кровавая муть! Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам? Проведите, проведите меня к нему, я хочу видеть этого человека... — и тут же, сменив интонацию, перешёл почти на вокал: — Выткнулся на озере алый свет зари. На бору со звонами плачут глухари...

Он читал с таким упоением и страстью, что даже Витька Карасёв, редактор из Чулыма, перестал терзать вяленого подъязка... Тельпухов декламировал то с подвизгиванием, то с хрипотцой, выдерживая паузы... Худой, с бледным лицом и с проседью в кудлатой бороде, с большими залысынами, неказистого росточка — он превратился в исполина, в могучего русского мужика, в ласкового дебошира с тальянкой... Коллеги замерли, затихли и внимали. Его триумф продолжался минут пятнадцать. Я-то знал, что Тельпухов помнит наизусть всего Есенина, что он способен читать его часами. И остановить его можно только одним:

— Хорошо, хорошо, Николай Иванович... Сдаюсь! Есенин — гениальный поэт!

— То-то же! И не смей больше, Колька, оскорблять Есенина и... меня!

В этой картинке — весь Тельпухов. Страстный, мудрый, непримиримый... Кстати, свои стихи, а их он написал великое множество, Николай Иванович читать на публике не любит, а если иногда и читает, то без пафоса, сухо, даже, как-то, скучновато... Из скромности, разумеется. Себя он поэтом никогда не считал, хотя, словом владеет мастерски. Тонкий лирик, необузданный романтик, патриот земли сибирской... Порой наивный, весьма ранимый, непредсказуемый... По-моему, Тельпухов — просто неутомимый и очень любознательный Путешественник. Он любит неустанно и

кропотливо копаться в делах давно минувших веков, пристально и весьма ритмично вглядываться в сегодняшний день, негодуя против несправедливости и печалась «делами» современных правителей, пытается уйти в будущее, предсказывая светлую жизнь своим внукам... И всё это он отражает в своих стихах. Да, порой они перегружены историческими фактами, мудрёными терминами, старославянскими словами, непривычными и, кажется, «противозаконными» теории стихосложения оборотами речи. Но... Его творчество рассчитано на умного читателя, оно требует определённой подготовки. Однако оно никого и никогда не оставит равнодушным. Почитайте его поэмы «Бугровщички», «Сказание о Лебеди Чёрной» и вы поймёте, почему одним из близких его друзей является академик, сибирский археолог Вячеслав Иванович Молодин.

Почти три года назад Николая Ивановича постигло страшное горе — ушла из жизни его жена Галина Сергеевна, его любимая, как он ласково называл её, «мама Галя». Его Главный слушатель, Главный читатель, Главный критик, Главный хранитель домашнего очага... Да, надломилась душа «Путешественника». В последнее время всё чаще докучают болезни, нет-нет — да нахлынет хандра, беспокоит взбудораженная память... Однако он не теряет оптимизма и веры в будущее.

Прошло, кажется, совсем немного времени, и мне вдруг раздался звонок.

Голос этот я едва узнал. Хриплый. Надрывный. Потусторонний... Звонил Тельтухов:

— Здравствуй... Здравствуй, говорю... Не признал?.. Богатым будешь... Поторопись, друг... Жду книгу. Ты обещал предисловие написать... Мне очень плохо. Жду. Жду книжку...

М-да... Забыл друг Николай-свет Иванович, что ещё неделю назад я доложил ему: предисловие сделал, текст и фотографию на обложку обработал и сдал в типографию, гранки вычитал. И вот... запамятовал друг.

Я побежал в типографию:

— Ребятки, выручайте! Срочно нужна книжка...

Часа через два-три тираж был готов. И оказия подвернулась вовремя — приехал в Куйбышев по каким-то неотложным делам Виктор Кузнецов — главный редактор здвинской газеты, он-то и вручил Николаю Ивановичу поздно вечером того же дня последний от меня привет... Позже Виктор рассказал о горьком моменте: Николай Иванович на несколько минут пришёл в сознание, взял дрожащей иссохшей рукой книжку, погладил её... понюхал... что-то пробормотал и снова впал в забытье. А ночью Тельпухова не стало.

Вот так ушёл из жизни, может, последний сумасбродный и умный, хулиганистый и по-детски наивный романтик двадцатого века. Мой друг... Николай Иванович Тельпухов.

Николай Хмелев

г. Куйбышев, 2011 год

ГРАНИЦА ВЫСШЕГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Николай Иванович Тельпухов родился в 1936 году в Иркутске в рабочей семье. Отец — Иван Егорович, который погиб в первый год войны, а мама — Пелагея Дмитриевна. Молодая энергия и стремление познать мир привели юного Николая сначала в Игарку, потом в Норильск. Именно в эти годы он открывает для себя поэзию и главных на всю жизнь своих кумиров — Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Первые публикации дерзкого поэта приходится на годы службы в армии на Амуре и в Усури в газетах «Суворовский натиск» и «Молодой дальневосточник». Публикации собственных «вирш» произвели на автора ошеломляющее впечатление, а потом, вдруг, пришёл ещё и маленький гонорар, на который были куплены сладкие пряники и разделены среди товарищей по взводу. Таким широким и бескорыстным Тельпухов остался на всю жизнь.

В «столичном» Новосибирске Николай появился сразу же после армии. Мы не смогли выяснить, что послужило поводом, и почему Николай Иванович решил покорить именно новосибирский литературный олимп. Устроившись, на эвакуированный в 1941 году из Ленинграда, завод им. Коминтерна, он стал активным участником всех литературных мероприятий города и членом знаменитого литературного объединения при газете «Молодость Сибири». Руководил литобъединением его ровесник и земляк Илья Олегович Фоняков. Именно в те годы Николай знакомится с будущими великими сибирскими писателями и поэтами, которые посещали ЛИТО: Ниной Греховой, Жанной Зырановой, Геннадием Карпуниным, Александром Плитченко, старостой ЛИТО — Владимиром Ярцевым, Николаем Ши-

пиловым, Ниной Садур, Анатолием Соколовым, Александром Денисенко, Пётром Степановым, Анатолием Маковским и многими другими.

Без отрыва от изготовления сверхсекретных радиоприборов, Тельпухов учился в школе рабочей молодежи и в школе рабкоров и скоро получил аттестат о среднем образовании и навыки работы корреспондентом.

Оснащенный знаниями и опытом, Николай был направлен в Болотное. Видимо, кадровый голод замучил районную газету «Путь Ильича», которая в 1962 году приняла в свой теплый коллектив молодого корреспондента и начинающего поэта Николая Тельпухова. Кстати сказать, уже через четыре года Николай стал членом Союза журналистов СССР, а в Союз журналистов в те времена принимали только по профессиональным заслугам. В редакции нашей «районки» работали фронтовики-орденоносцы Михаил Сурганов, Нина Басалаева и Григорий Большаков, а так же Михаил Кубышкин, прошедший фашистский плен и после войны пять лет принудительных работ на северах нашей необъятной Родины. Наконец-то, звезды для Николая сошлись великой удачей: наставником его выдающегося таланта стал писатель Михаил Павлович Кубышкин.

Горячие будни газеты предполагали поездки по всему району на стареньком «козле» (так запросто звали мотоцикл «Минск» из-за жесткой подвески). Бурно живущей стране нужны были актуальные строки о победах и бедах, полные восторга и критики, но честные и искренние. Страна строилась, поднимая промышленность и сельское хозяйство — все это для собкора «районки» — живые будни, которые требуют полной отдачи. А в минуты отдыха — Она. Муза. Великая поэзия и беспощадный разговор о ней с Кубышкиным. Вот, когда Тельпухову пришло понимание, что литература — это тяжелый труд, что литература — это точная наука, не менее точная, чем математика. Именно под руководством Михаила Павловича молодой поэт учился мыслить образами, постигал науку литературного творчества.

Кубышкин был терпелив и заставлял читать не только любимого Есенина, но и Твардовского, Бунина, Достоевского, Толстого, молодых авторов, появившихся в толстых журналах «Наш современник», «Октябрь», «Юность» и пр.

И пришли первые строки, в которых угадывается кропотливая работа над каждым словом, но уже появилась и мастерская легкость, как бы легкость, но которая отличает уже мастера:

... Я — межою,
Ветер — поверху.
И идем на огород.
Подзатыльник дал подсолнуху,
Тот — второму в свой черед,
Запрокинул кверху доньшко,
Раз-другой качнулся гибко
И — узнал,
Расцвел, как солнышко, —
Широчайшею улыбкою.

Обратите внимание, несколько мазков и картина готова, смотрите, как образно и как озорно, как открыто и сердечно. И сам автор угадывается во всем: яркий, искренний, веселый и любящий, он, как игристое вино, пьянит и наполняет вкусом все видимое, и чуть позже — послевкусием, тем, что и называется «Поэзия!». Как это объяснить молодому автору, я не знаю, потому что стихосложение, даже очень мастерски сложенное, может и не быть поэзией, именно оттого, что нет вот этого послевкусия, чего-то сверхчитаемого, как из другого измерения.

Николай Иванович живет в красивом районе, где лесостепь и тихие речки прячутся под огромными вёглами — любимые места тельпуховской рыбалки. Там же — чай, заваренный листьями дикой, пахучей смородины. И там же, в тайных заводях — свист удилица и натруженные щелчки барабана спининга, а вместо блесны — клыкастый шурёнок! А в десятке километров к Оби — кедрач стоит веко-

вечно, подпирая небо могучими хвойными макушками, и от соприкосновения с этой красотой приходят строки:

Округи контур обозначив,
 Исчез туман.
 Как в поле пусто!
 Легко...
 А в сумраке прозрачном
 Соломой жженой пахнет вкусно,
 Немножко — прелью,
 Чуть — полынью.
 Земля пресыщена покоем,
 Заря, разбросив хвост павлиний,
 Снесла яичко золотое.
 Как драгоценную награду,
 Его на тучку подняла, —
 И колок
 Сказочным царь-градом,
 Вдруг вынес к небу купола.
 И, кажется, поплыли звоны:
 Проснись, сиятельная Русь!
 А рядом — женщина-икона,
 Молюсь я на неё,
 Молюсь.

Как филигранно и точно рисуется раннее утро, сколько скупых, но крайне точных эпитетов, сравнений и душевного тепла, и как, вдруг, неожиданно появляется заключительный образ: «А рядом — женщина-икона, молюсь я на неё, молюсь». Я не могу не сказать о великой женщине — жене Тельпухова — Галине Сергеевне. Истинно женщина-мать, у которой, кроме двух детишек, дочери и сына, был старший сын — сам Тельпухов. Я, зная Николая Ивановича всю жизнь, ещё с младенческих лет, понимаю, что прожил он свои семьдесят лет только благодаря Галине Сергеевне — маме Гале, как он сам говорил. И, возможно, что такие сокровенные стихотворные чистые строки давали ей силы жить, ухаживать, лелеять, успокаивать, кормить и отмы-

вать вечно стенающего, ищущего, неутомонного и не всегда трезвого Поэта!

* * *

Жене Галине

Меня не баловали женщины,
Не увлекали
В канитель духов.
Тебе одной я был завещанный
Для прозы жизни, без стихов.
Тебе одной, без меры жертвенной,
Я был семья и коллектив,
То благородный, то вдруг ветренный,
То раздражённый, то учтив.
И всё ж стихи пошли!
С поклоном
Тебе читал я наизусть:
«...А рядом женщина-икона,
Молюсь я на неё, молюсь».

Насчёт того, что Тельпухова «не баловали женщины», здесь необходимо пояснить, и у меня есть что рассказать читателю. Николай Иванович женился достаточно поздно, ему было уже далеко за тридцать. Представляете: Болотное, где на каждого мужчину приходится по две женщины. А всё потому, что в райцентре было училище бухгалтеров с женским педколлективом и не менее женским контингентом учащихся в триста человек. А ещё — педучилище с педколлективом и более полутора тысячами девушек со всей родной Новосибирской области, Кузбасса и Томской губернии. И завершает демографическую пирамиду райцентра швейная фабрика, на которой работало более тысячи швейрукодельниц! Тельпухов был самым популярным женихом района, это я вам точно говорю: красивый, стройный, интеллигентный, учтивый, молодой, энергичный, известный, прекрасный голос, да еще и поэт. Тельпухов был не просто

популярен в женских кругах, — его преследовали! А он всё отнекивался и говорил, что «не нашёл свою любимую, может, её и нет». Почему я, шести-семилетний молокосос, знал об этом? Да потому, что никто так не хотел женить Николая Ивановича, как моя мама. Она была убеждена, что мужчина без женщины «товар бессмысленный и бесполезный». Он был частым гостем у нас дома, мои родители дружили со многими из редакции, но более я запомнил Ольгу Теплову, которая потом из болотнинской редакции была переведена в Новосибирск — главным редактором газеты «Обская жизнь» и которая тоже, кстати, была влюблена в Тельпухова. И мне, уже взрослому, рассказала случай, который я уже слышал от родителей, но тут, от Ольги, повествование с важными деталями.

В один из рядовых рабочих дней, когда вся редакция сидела на втором этаже бывшего купеческого особняка, и кропала в очередной номер свои статьи, заметки и фельетоны, в редакцию зашла женщина с младенцем, прошла к редактору, положила младенца к нему на стол и громко, чтобы слышали все, сказала:

— Это ребенок Николая Тельпухова!

Интеллигентный Михаил Денисович Сурганов смотрел то на женщину, то на ребенка, от удивления не способный произнести ни слова. Вдруг вскакивает Тельпухов, накидывает на себя серое демисезонное пальтишко и выбегает прочь, потом, вдруг, возвращается и говорит тоже всем:

— Вы думаете, что Магелан открыл Америку?! Нет! Это я открыл Америку!

Женщина ушла со слезами и ребенком на руках. От отца, который работал в милиции, я узнал, что у женщины это была не первая попытка найти отца своему ребенку.

Но речь не о женщине, а о популярности молодого поэта. Прошло много лет, и до меня наконец-то доходит смысл слов Тельпухова о Магелане, он и в этой реплике в столь драматически насыщенный момент, оставался истинным поэтом! Он иносказательно утверждал всем зрителям спек-

такля, что его отцовство такой же вымысел, как и то, что он открыл Америку. Но об истинных отношениях Николая Ивановича и женщин, конечно, нельзя судить по этому анекдоту из жизни. Удивительно, но Тельпухов редкий, если не исключительный, автор, у которого нет любовной лирики. Всего несколько стихотворений, и те — посвящены любимой жёнушке. А, вот это уже безусловное подтверждение однолюбости нашего поэта. Никак жену не мог найти, а как нашел — так навсегда. Учитесь. А то придумали, что поэты народ легкомысленный.

В начале двухтысячных годов, по неведомым мне причинам, Николай Иванович вдруг открыл во мне соратника-литератора. И все недоумевал:

— Колька! Ты, черт возьми, — писатель! Да, как же я просмотрел?!

В детстве, когда Николай Иванович заходил к нам, а родителей не было дома, то я читал ему свои стихи. Он слушал, и, приняв немного «для сугреву», начинал говорить о литературе, о поэзии и о великом труде писателя. Потом читал Есенина и свои стихи. Он, буквально, раскладывал их по полочкам, по кирпичикам, я даже и представить тогда не мог, что поэзия — это тоже своя технология и ремесло. Нет, Тельпухов не стал моим учителем, но он вызвал, пробудил интерес у меня к литературе и своим симпатичным образом есенинской необузданной страсти, и, конечно, своими стихами.

И вот двухтысячные. Рукопись Николая Ивановича — у меня, молодого литератора, недавно закончившего Литературный институт им. Горького, но уже автора нескольких книг. Я читал рукопись внимательно, с полной ответственностью и серьезностью, и, путешествуя по ней, всё больше понимал, что Тельпухов в прилитературных кругах долго «прогарцевал» вечными разговорами, а в действительности — болтовнёй о литературе. Нужно было писать, а не разговоры разговаривать. Я оставил свои пометки на рукописи, но в целом остался ею недоволен. Даже зол, потому что, при очевидных достоинствах и удачах, я не увидел той ежеднев-

ной, многолетней работы над словом. И тема — чёрт знает о чем — прогулки в потусторонний мир чуждых философий и религий.

Почему произошел временной провал? Я знаю почему. Когда-то журнал «Сибирские огни», поставивший в номер его поэму (не помню год, но помню точно — в четвертый номер), вдруг, неожиданно снимает её в пользу какого-то толстого романа, иначе говоря, — освободили место. Для Тельпухова эта новость стала не просто трагической, удар пришелся не по рукам, удар пришелся в самое сердце. После этого я не люблю этот журнал и не читаю его. Я не прав, там, наверняка, есть хорошие авторы и редакторы, в журнале когда-то выходила подборка моих рассказов, но «Сибирские огни» для меня перестал существовать именно после обиды, нанесенной моему другу.

Шли годы, Тельпухов после Болотного был переведен в Чистоозерный, а потом — главным редактором в Здвинский район. Да, это была нормальная практика ротации, кадрового обмена на общую пользу — это было умно. Однако, Болотное лишилось очень интересного человека. И вдруг у меня на столе — вторая и потом третья книги Тельпухова. Мы, по случаю, встретились в Новосибирске, и он с радостью подарил мне свои книги.

Дома, я сочинил себе чайку и, чтобы не обидеть поэта невниманием, открыл сборник, и начал неторопливо читать, и — о чудо! Он вдруг начал много и содержательно писать, и вся эта ахинея с «аум» и посторонней нечистью пропала. И главное, он стал писать ярче и даже хулиганисто. У него родилась внутренняя свобода духа, при которой был все тот же кубышенский редактор, но он не давил руку поэта, а только не позволял ему заблудиться в чёрт знает, каких дебрях. Я всегда говорил и говорю: пишите о том, что близко и о том, что вы знаете не только умом, но и сердцем. В новых стихах перед нами всё тот же Тельпухов, но уже не мастеровитый поэт, а мастер! Так не бывает, скажете вы! Оказывается, бывает. Дело в том, что существует неглас-

ное правило, после шестидесяти лет в Союз писателей — не принимать. И в этом есть здоровое зерно: к сожалению, люди, не набравшие навыков до определенного возраста, потом уже не совершенствуются. Тельпухов оказался исключением. Вот, послушайте, как в его стихах идет осознание себя и своего места в жизни, как мучителен путь поэта, и не только потому, что он какой-то там особенный, но и потому, что он чувствует и переживает нашу общую жизнь по-особенному: острее, и за всех нас, и за себя, и за своих близких, и за всю вселенную. И иногда нельзя этой вселенской боли в одном маленьком сердце удержать, и тогда — песня со слезой, и рюмка. Да — горькая, да — спасительная. Господь послал Тельпухову маму Галю. Именно в этой любви и заботе, именно в появлении детей, он нашел опору и зачерпнул силу, и написал:

В малярийном сгорая чаду,
 Под грозою на лапнике мокром,
 Я в горячечном полубреду
 Вдруг увидел себя
 Белым волком:
 Белый, белый,
 Не лебедь, а волк,
 Даже в стае —
 Мишень для расстрела.
 Почему?
 Не возьму себе в толк,
 Почему я не пепельно-серый?
 Почему приговором звучит
 Белый цвет
 Среди серых, жестоких?
 Хохотать будет филин в ночи,
 Днём — трещать надо мною сороки
 Всё о том, как мой путь одинок
 Среди собратьев по крови и вере.
 И никак не возьму себе в толк:
 Почему, как все волки — не серый?

Поэт всегда одинок. Страшный приговор таланта. Я крайне рад, что в какой-то момент, он нашел в себе вдруг силы, чтобы начать гранить, гранить и гранить, а кроме того — думать и искать смысл жизни поэта, и он находит этот смысл в созидании:

Как будто стынть и холодок внутри
 Отрыжка прошлой непогоды.
 Душа молчит и день, и два, и три —
 Боюсь, что так продлятся годы.
 Погас неизречённый ток в крови —
 Забыты напрочь ямбы и хорей;
 Душа велит: стихи свои порви
 И выбрось в мусор поскорее.
 Согласен!
 Я заброшу все стихи,
 Они уже не в радость мне — обуза!
 — О, да! Стихи твои плохи, —
 Сквозь зубы подтвердила Муза.
 И, взгляд скосив через плечо,
 Вдруг снизошла, потупив долу очи:
 — А впрочем...
 Впрочем, напиши ещё,
 Что я люблю тебя
 Не очень.

Да пусть простят меня люди всех профессий мира, но нет ничего сложнее, ответственнее и горше, труда литератора. Прикасясь к Слову, человек берёт на себя смелость трудиться с материалом священным, дарованным самим Богом, и дело здесь не в вере в Бога или воцерковлённости, а в том, что человек был создан говорящим, иначе он не смог бы мыслить, мы думаем словами. Слово — это формула звуков, в которой хранится информация. Именно благодаря слову, мы созданы по «подобию Божию» со способностью передавать накопленную информацию будущим поколениям. Да, изначально это был родовой праязык с определенным

набором слов, но язык — это живой организм, который может развиваться и умирать, кстати, тоже. И в приведённом отрывке определяется Божье поручение, в образе Музы, через талант заниматься и формировать современные слова, иначе говоря, священнодействовать.

А дальше — больше, в новых книжках я обнаруживаю новые мотивы. Для меня стали неожиданностью его стихи гражданской направленности, яростные, честные и очень смелые стихи:

Весна...
В полях курлыканье,
Степного ветра царствие...
Боюсь, что не привыкну я
К земле не государственной.
Ни чести, ни достоинства
У избранных правителей;
Без битв разбито воинство
Потомков победителей.
Диктуют рынки правила
Базарного рачительства.
Народное бесправие
Удобно для правительства.
Гребут страну с утрускою
В мошну от алчи ржавую...
Так, где ты, совесть русская?
Так, где ты, мощь державная?
Где клятва незабвенная —
Защитником России быть?!
Суд Высший за измену ей
Иудства не простит.
На разорённых пустошах
С мучительной историей —
Уже мужают юноши
И зреют их Виктории...

Я отвечаю, почему гражданские стихи Николая Ивановича стали для меня неожиданностью. Да потому, что ка-

тегоричность, злость, однозначность — это не от ума, а от бессилия, и в этих манерах нет ничего кроме эгоизма. Но загадка ортодоксальных стихов Тельпухова в том, что он защищает главное — любовь, то, что не требует обсуждения, альтернативы или многомнения, любовь — это готовность к жертве ради людей, и поэт готов к этой жертве ради людей, ради Родины. Высказав свое однозначное отношение к тому, что происходит у нас в стране, Николай Иванович в другом стихотворении утверждает мою догадку:

Есть мнение!
 Не надо спорить с теми,
 Когда отредактирован, как столб,
 Приверженец прямолинейной темы
 Гордится тем —
 Щади его апломб.
 Не виноват же ворон, что он чёрен,
 Лощёный блеск его — слепых ночей собрат,
 Чернее лишь Малевича квадрат,
 Но символ черноты в природе — ворон.
 И на вопрос: ты с этими иль с теми?
 Я только отмахнусь в ответ рукой —
 Не потому, что нужен мне покой,
 Пусть будет много очень разных мнений,
 Но в каждом искра божия видна:
 Россия — истина,
 И истинно одна.

Познакомившись с четвертым сборником стихов, вышедшего перед смертью поэта, я вдруг пришел к очевидному выводу, что археология стала очень мощным толчком в творчестве поэта. Прикосновение к прошлому нашей земли, молодые студенты-археологи, маститый Вячеслав Иванович Молодин — стали тем новым источником энергии в очень интересном творческом этапе замечательного поэта. Возможно, что история родного края, все измучившие его ум философии мира, и прикосновения к старине глубокой,

вкупе стали основой новой жизненной философии поэта, в которой соединилось всё в единый и тугой поэтический слог, в образ русского сибиряка, вобравшего в себя все человеческие соки прошедших цивилизаций и национальностей, и не случайно Лебедь Черная, как царица над степью и людьми, пришла с древнейшего Алтая в Крутояр. История повторяется, но очевидно, что в удивительном сказании много загадок, а это требует уже отдельного изучения, потому что Николай Иванович перешёл границу высшего поэтического знания говорить не только образами, но и символами. Лебедь Черная ждет внимательного и глубокого читателя, и дай вам Бог разгадать главную тайну этой повести в стихах. Мне пока не удалось.

Пройдут годы, лихие и смутные времена канут в Лету, но останется Сибирь, её люди, хранимые поэтами и Духами древней цивилизации. Лебедь Чёрная — загадочная книга, как загадочна и поучительна всякая и каждая жизнь. Тельпухов выполнил свою миссию с честью, а мы оценили по высокому достоинству исполненный им древний ритуал священнодействия с Божественным словом.

Николай Александров

Колывань, 2020 год

Тельпухов за рабочим столом

Михаил Кубышкин и Николай Тельпухов

**О. Бочков (крайний слева) и Н. Тельпухов (крайний справа)
на первомайской демонстрации**

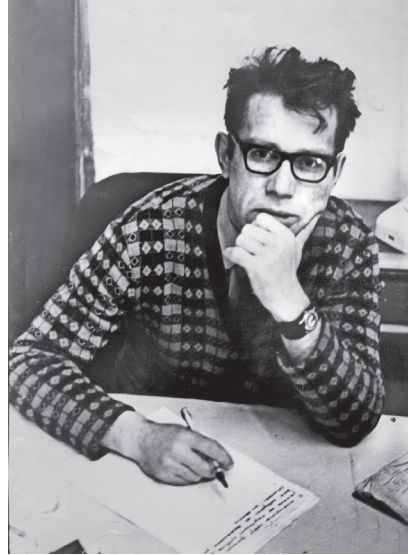
**Николай Иванович вычитывает
гранки газеты «Путь Ильича»**

Из командировки

Корреспонденты на автобусе

В творческих муках

Тельпухова-Власова Г.С. — преподаватель педучилища с дочерью Еленой

Фото для очередного фельетона

**Песня посвящена
Загородному Бору**

**Николай и Галина
с родственниками**

**Галина
Тельпухова-Власова**

Максим и Елена Тельпуховы

СТУХУ

* * *

Маме

Дом родной...
К нему беспечно
Возвращаюсь налегке.
Но не ждали, видно, встречи,
Так как двери — на замке.
Под рябиновыми ветками
Дом, скосив окон глаза:
«А, вернулся этот... ветренный», —
Так и силится сказать.
Но лишь старчески, натруженно
Скрипнет раз крыльцом, другой...
Это — правда:
С ветром дружен я,
Он — мой спутник дорогой.
Я — межою,
Ветер — поверху.
И идем на огород.
Подзатыльник дал подсолнуху,
Тот — второму в свой черед,
Запрокинул кверху доньшко,
Раз-друтой качнулся гибко
И — узнал,
Расцвел, как солнышко, —
Широчайшею улыбкою.
То-то радость!
А над грядками,
В переплясах трепака*
С раскамаринской** ухваткою
Ветер кружит мотылька...

* *Трепак* (укр. *тропак*) — старинная русская пляска, распространённая также на Украине. Основные движения — дробные шаги, притоптывания и присядка с выбрасыванием ног.

** *Камаринская* — русская народная плясовая песня, пляска под эту песню, популяризованная в одноименной увертюре Михаила Ивановича Глинки.

ПОГОНЯ

Ну, давай же, шофер, погоняй
 Свой табун лошадиных сил.
 Скоро — холм и село Таганай,
 Здесь когда-то Кучум проходил.
 Догоняй же его.
 Догоняй.
 Видишь: след указала луна?
 Тут Кучум повернул на Алтай.
 У него под седлом — одна,
 А у нас с тобой?
 Не считай!
 Догоняй же его,
 Догоняй.
 Что нам время?
 Ты дело знай.
 Сквозь века те слова слышны...
 Этот холм он назвал «Таган-Ай»,
 В переводе — подставка Луны.
 Догоняй же его,
 Догоняй.

* * *

Округи контуры означив,
Исчез туман.
Как в поле пусто!
Легко...
А в сумраке прозрачном
Соломой жженой пахнет вкусно,
Немножко — прелью,
Чуть — полынью,
Земля пресыщена покоем.
Заря, разбросив хвост павлиний,
Снесла яичко золотое.
Как драгоценную награду,
Его на тучку подняла, —
И колок
Сказочным царь-градом
Вдруг вынес к небу купола.
И, кажется, поплыли звоны:
Проснись, сиятельная Русь!
А рядом — женщина-икона,
Молюсь я на нее,
Молюсь.

* * *

Посадил я под окнами вишню,
 Чтоб лакомились ягодой детки,
 А метёлка всё выше и выше —
 Расцвела,
 Оказалась ранетка.
 Или с умыслом, или нечаянно
 Одарили меня садоводы,
 И шафранным — о, чудо природы! —
 Оплодилось дичком от отчаянья.
 Рдели ягоды жарко, невинно.
 Загляденье за рамой;
 Картина
 Согревала всю зиму теплом.
 А когда отшумели метели —
 Прилетели на куст свиристели:
 Нате радость — шедевр за стеклом!

ЗЕЛЕНЬЙ ЧАЙ

Г. С. Власовой

Вы пили чай,
Заваренный смородиной,
Побегами почти с загаром девичьим
И листьями, как башенки, зубчатыми,
Прохладными от утренней росы.
Они, отяжелевшие и волглые*,
С дорожками улиток сизоватыми,
Встревоженные,
Лягут вам в ладони,
Пахнут в лицо лесной глубинной свежестью.
Потом, в реке промытые, повиснут,
Покорные,
Смиренно и бессильно,
Молитвенно сложив ладони листьев
Над котелком с клокочущей водой.
И на минуту ярь смирив кипенья,
Вдруг одарят нежнейшим ароматом,
Таким исконно русским,
Что с другими
Его не перепутать никогда.

* *Волглый* — влажный, сырой.

* * *

Иван-чай, иван-чай,
 Твой нехитрый цветок
 Теплит в душу мне близкую радость.
 Каждый твой стебелек —
 Огонек и дымок —
 Предвещает, что дом отчий рядом.
 Иван-чай, иван-чай,
 Вот развилка дорог:
 Что же стало с моею деревней?
 Кое-где колосок
 Подает голосок,
 А вокруг лишь бурьяна кипенье.
 Иван-чай, иван-чай,
 Я нежданный твой гость,
 Без вины виноват в том, что редкий,
 Проведи на погост,
 Где поднимем мы тост —
 Пусть земля будет пухом вам, предки.
 Иван-чай, иван-чай,
 Боль моя горяча:
 Враг, сгубивший деревню, неведом,
 Иван-чай, иван-чай,
 Ты в цветах не мельчай
 И клонись до земли праху дедов.
 Иван-чай, иван-чай,
 Ты гори, как свеча,
 В назидание тем, кто вас предал!

КОСТЕР

Когда потемки зубы точат,
Утроен слух и взгляд остер.
Я в эпицентре темной ночи
Жгу из валежника костер.
На куче хвороста и листьев
Вначале яркий язычок
Сверкнет, как будто проблеск мысли,
Потом — скачок,
Еще скачок —
Взметнулось пламя,
Сполох света,
С летучей кроной желтых искр,
И, кажется,
На всей планете
Я — Прометей,
За всех в ответе
Иду сознательно на риск,
Огонь похитив...
Отползая,
Отступит мрак,
Но там, вдали,
В лесу и поле — тьма густая,
Густая тьма,
Хоть глаз коли...

САЗАН

Н. И. Данилко

По весенним паводкам
В намет,
Серебря бока и плавники,
Разрезая зеркало реки,
Разнорыбье прёт на икромёт
Косяками.
Талая вола
Из долин —
Прозрачна, как слеза.
На разливы увалень-сазан
Тянет за собою повода
Гребнем,
Парусящим на ветру,
Чмокает в размокшем старнике:
На своём, на рыбьем языке
Славит мир подводный поутру.
Мир, расшитый
Солнечным лучом,
С первобытной
Райской красотой;
Сам же он —
В кольчуге золотой,
Под небесноогненной парчой;
Сизым жаром солнца прокалён
По хребту
До бурого хвоста...
В красоте — безмерна красота!
Мой сазан,
Кто твой Пигмалион?

* * *

Весь торжество, когда сажусь за вёсла, —
Гребёшь, гребёшь, неведома куда,
Как будто бы на отдыхе апостол,
Вокруг — стихия — небо и вода.
И суд мирской
И боль за нашу землю — всё позади,
Но оптимизм — со мной:
Он в развороте плеч, где силы дремлют,
Железной воли полон неземной.
Я напрягаю, как пружину, тело —
Рывок — и выдох,
Вдох — до глубины...
И чайки всполошились,
Оголтело
Приветствуя, орут: «Чаны, Чаны!»
И облака спускаются всё ниже —
Им тоже очертела высота,
А волны, лапаясь,
По-собачьи лижут
Моей восьмёрки утлые борта.
И хочется до одури, до дури
Орфеем* на всё озеро запеть:
«А он, мятежный, просит бури...»
И на дуэль
Без страха вызвать смерть.

* *Орфей* — персонаж древнегреческой мифологии. По мифу, оглянувшись и увидев Эвридику, Орфей теряет ее навсегда и потом изливает тоску по ней в своих песнях.

* * *

Пустеет улица под вечер,
Густеет, удлиняясь, тень...
И вот уже очеловечен
Заговорил угасший день.
Его бодрящее начало
Незабываемых минут —
Добром он просит помянуть,
Да так, чтоб музыка звучала
На струнах солнечных лучей
В тоске горящего заката.
Он угасает — без возврата,
Без панихиды и речей,
И опечаленных свечей —
Ведь день другой настанет завтра.

* * *

Зябкий свет,
Уютная стреха,
Мятный запах сена лугового...
И дрожит в гортани петуха
Птичье повелительное слово.
Он, картавя, продирает горло,
А тринадцать сереньких подруг
Шеборшатся, слушают покорно,
С ним перерекаются не вдруг.
А петух уже внизу, да в клеткот,
В крылья бьет,
Зовет из темноты,
И шматками теплого помета
Метят его куры с высоты,
На шестке шарашатся,
Ну, право,
Монахини перед входом в храм...
И выходят бабы на управу,
Мужики неспешно — к тракторам.

* * *

Отливала капуста матово,
Отливала капуста лилово.
Понукали корову матами,
С огорода гнали корову.
И она под ударами палки,
Что ни шаг, то вздыхала тяжело,
Но светились глазищи-яблоки
У нее добротой и лаской.
Билось вымя о лытки голые
Полнолунием голубым,
И корова роняла голову
В разнотравья зеленый дым.
Все искала листочек лакомый,
Чтоб сочился он молоком...
В огороде хозяйка плакала,
Утирая глаза кулаком.

* * *

Уже трава щекочет колко взгорья
Под хрупкое журчание ручьёв,
И чистят барсуки свои подворья
В околках, где гнездится сорочье.
А тощие стада — коровки божии —
Спешат в мочажины*
Под куликовый свист,
Где сквозь старник
Желтеющий рогожиной,
Уж всюду зеленеет стрелолоист.
Светла вода в кюветах придорожных,
Под солнцем плавится
С прохладой разлив,
И в ожерельях, на шмелей похожих,
Развербилось над водью царство ив.
Так вот оно — единство и слиянье
Земли, небес — гармония во всём!
И даже предвечернее сиянье,
Как музыка, течёт за окоём.
Вновь, повторяясь, вечная отрада
Звездой тихою украсит небосвод...
От нас природе ничего не надо —
Она без нас прекрасно проживёт.

* *Мочажина* — низкое сырое место или размытая непроезжая часть дороги; зыбкое место, трясина. Встречается на низких заболоченных участках.

* * *

Прощальный круг кленового листка...
И вот он на ладонь мою ложится...
Скажи мне, лист: о чём твоя тоска?
Наверное, о том, что ты не птица?
Трепещешь,
Жаждешь с ними на юга?
У новых русских мода на Канары...
Эх, дурачок!
Иль жизнь не дорога?
К тому же там ты не отыщешь пары.
Ну разве что канарский воробей
Подпрыгнет раз-другой
От удивленья...
А здесь, в родной России, о тебе,
Как видишь,
Родилось стихотворенье.

* * *

Всё отцвело.
Настурции и астры
Поникли в листопадной круговерти,
И только сентябринки так глазасты,
Что даже им завидует бессмертник.
Соцветья, переполненные зноем,
На неприглядном жилистом кусте
Соперничают с небом синевою,
Томятся о весенней красоте.
Но — не судьба!
Уж такова их участь —
Лишь осенью, под хмурым небом мучась,
Цвести, цвести, предзимью вопреки
До Покрова.
Их голубая нега,
Отнежившись, под покрывалом снега
Помянет добрым словом васильки.

* * *

Здравствуй, август.
 Привет, августейший, —
 Месяц ангела моего.
 Тебе ведомо: я — не безгрешный,
 Потому и стремлюсь безуспешно
 В отчий край
 С поседевшей травой.
 От росы
 И надежд избытка,
 Где однажды сроднился я
 С каждой птахой
 И каждой былинкой.
 Подружился с чабанской кибиткой
 И зарёю каждого дня.
 Для раскаянья много ли надо?
 Мерный ход тишины,
 Голубой небосвод
 Да предвестие листопада,
 Уголочек рая и ада.
 Да предчувствие — кто-то зовёт.
 Милый август, ты — боль и радость:
 В поле стонет страда,
 Стынет глубь летних вод;
 На руках и губах прохлада
 От обилья щедрот из сада
 До оскомины,
 Но — досада!
 Жаль, не ведаю, что меня ждёт.
 Погадай по руке, напророчь мне,

Чтобы осень была не строга.
Но и сам я узрел, между прочим,
Знаки вещие — белые ночи,
Как курганы, вдоль поймы — стога.
Отсвистят флейтой-клювом кроншнепы*
Перед стартом на пальмовый юг,
И пойму — лето прожил нелепо.
Сам себе и не враг, и не друг.
Огради от досужих вопросов.
Что в ночи
Не дают мне уснуть:
Те ровесники —
Великороссы;
Ну а эти остались с носом,
А других уже — не вернуть.
Я за службу тебя одарю.
Веселее гляди и не кисни:
Соберём в кучу хворост
И мысли.
Провожая под вечер зарю.
И у жаркой надьи** мы на лапнике ляжем.
Где студёный родник,
Говорлив, нам сродни,
И из кружки моей, почерневшей от сажи,
Мы помянем ушедшие дни.
Ночь, как гибель, черна.
До рассвета
Будем греть мы бока,
А пока —
Россыпь звёзд ты прими за монеты

* *Кроншнеп* — крупная болотная птица с длинным, изогнутым книзу клювом, род кулика.

** *Надья* — специальный костёр из брёвен для ночёвки в тайге.

И за шубу с плеча — облака.
Покемарим чуток.
У надьи чутко спится,
За полночь перевалим,
И станет светлей...
Ты живую водою дозвошь мне умыться,
А на случай и мертвой налей.
Если вдруг повстречаем
Заблудшую душу,
Ту, которой обрыдли земные дела:
Я налью ей, пожалуй,
Не струшу,
Чтобы вечный покой обрела.
Потому что поздней —
Знаю точно —
И моей уготован подобный черёд —
На скитанья по свету,
По дорогам бессрочным,
Не расслышал, но кто-то зовёт...

* * *

Есть у осени тихая пристань —
Просветленных с десятков дней,
И таких необычно чистых,
И прозрачных по глубине,
Что невольно хочется верить:
Это будет надолго — навек!
Только глядь — а зима уж в двери
И на голову белый снег.

* * *

Холод близко,
Может, рядом.
Горизонт уже дождит...
Бабье лето солнцу радо,
Просит зиму:
— Обожди!
Отстоявшиеся чувства,
Как хрустальное стекло,
И от ясности той грустно,
И от лучиков — тепло.
Налито, округло, ярко
Бабье лето...
Вот ведь как:
Вроде б греет,
Но не жарко,
И ласкает,
Но не так.

ИЗМОРОЗЬ

Когда ночной, морозный полумрак
Дремотой убаюкивает землю,
И небесам
Деревья кротко внемлют —
Их наряжает в сказочный куржак.
Кудесница,
Окутанная темью.
Незримою воздушною рукой
Сметает лунный свет
С небесной бездны,
И, обнажая хоровод созвездий,
Творит к заутрене
Молитвенный покой,
Пыльцою осыпая мир безбрежный
Для завязи весеннего тепла...
А Млечный Путь
Курится млечным паром,
Сочатся звёзды
Золотым нектаром,
И в бахrome
Под фонарём ветла,
Как в серебре,
Искрит над тротуаром.
Качнулась тень
И — канула в ночи,
А вслед прошелестело дуновенье...
И, вспыхнув облаком горячим,
В то мгновенье
Рассыпали фонарные лучи
Кудесницы незримой вдохновенье.

* * *

У ночи было новоселье —
Тьмы беспросветной с тишиной.
К утру укутали осенней
Белесой, плотной пеленой
Дома и голые деревья,
Подслеповатых луж очки,
И окон тёмные зрачки,
И пешеходов суеверьья,
Несущих холодок в груди
С вопросом: что там впереди?
Иль человек? Иль привиденье?
Вдруг снег посыпался с куста...
Рука взметнулась для креста —
Остановись на миг, мгновенье!

* * *

Я ждал зимы бодрящей и морозной.
Так после хвори ждут выздоровленья,
Но затянулась осень.
Слишком поздно
На тёмном небе,
Средь ночей беззвёздных,
Взошла луна любви и вдохновенья.
В сияющей, искристой оторочке,
Она звала в подлунные чертоги,
Где звери да сороки пижут строчки,
Следы загона жирным многоточьем
Ведут от заповедника к дороге.
А в тишине доносится ритмично
С реки далёкой вздохи ледостава...
Всё зримо, всё знакомо и привычно
До мелочей.
Ведь я не бард столичный —
Люблю село, любить не перестану.
Так почему осенняя усталость,
Как тень, за мною следует повсюду?
Оглядываюсь: может, это старость?
А может, всё вокруг о чём мечталось —
И на том свете вряд ли позабуду?
Вот кораблём, замёрзшим у причала,
Мой старый дом в серебряных антеннах.
Прислушался — душа моя молчала,
Как будто бы зимы не замечала,
Высокой ночи с индевью на стенах.

* * *

Уже, как нищим подаянье,
Ковригою — луны восход,
И солнца бледного сиянье
С тоской легло на горизонт.
Вечерней стужей день окончен,
Решив погреться перед ночью
В прощальной скудости лучей,
Расселась стая косачей
В березняке заиндевелом.
Их лировидные хвосты
Так привлекательно просты —
Цветы зимы на фоне белом.
О чём звенят тетёркам лиры?
Контрасты — в этом суть Сибири.

ЖАЛЕЙКА

Метет буран.
 Взрывая снегопыль,
 Похоже, сразу тридцать три поэмки
 Закручивают белые воронки,
 И одинокий тополь как бобыль
 Постанывает жалобно на взгорке.
 Не устоять — он чувствует нутром,
 С вершины с хрустом
 Облетают ветви...
 Никто не вспомнит, видимо, о том —
 Под кроною его ютился дом,
 Когда был молод, зелен и приветлив.
 А рядом на скамью бросала тень,
 Весною разрастаясь и вскипая,
 Вся в буклях разголубленных сирень:
 На запахи ее в погожий день
 Шла, как на праздник,
 Девушка слепая.
 С косою светло-русой на груди,
 За поясом — из бересты жалейка,
 И говорила посоху:
 — Веди!
 Ты лучше видишь все, что впереди...
 Нашупывала тропку и скамейку.
 О, дудочка!
 Бесхитростная связь
 Души и неба —
 На тончайшей ноте,
 Чаруя, и ликуя, и томясь —
 Лилась, лилась сиреневая страсть
 И утопала, как в круговороте.

С последним звуком сиротела вмиг,
Насыщенная музыкой окрестность;
И тополь окончательно поник,
Когда хозяин — немощный старик —
Увез зимой девчонку в неизвестность.
А дом сгорел.
И двор пошел на слом —
Штакетник, и ворота, и сарайчик...
Унынье поселилось за селом:
Уже никто не вспоминал о том,
Как, радуясь, любя,
Жалейка* плачет.
Что толку в том —
Он — тополь — помнит дом,
Дым очага уютного жилища?
Пустынно и безмолвие кругом!
Зачем оберегать холодный холм?
Он, ахнув, рухнул
В снег на пепелище.

* *Жалейка* — русский и украинский народный музыкальный инструмент, представляющий собой дудку с небольшим раструбом.

ОКНО

Мороз стал к вечеру гуще.
 Я вышел. Мне все равно,
 Хотя и светилося зовуще
 В доме твоём окно.
 Словно лунное блюдо
 Впаяли в оконный квадрат...
 В душе шевельнулось —
 Вернуться!
 Сказать: прости, виноват...
 Но — двинулся шагом скорым
 Сквозь темень, ветер и снег.
 Казалось: окно с укором
 Глядит, не мигая, мне вслед.
 Насмешливо смотрит, жестко,
 Презрения не тая.
 Скорей бы до перекрестка!
 Но тут оглянулся я.
 А в сумерках безотрадных
 Заледенел, изнемог,
 Меня отыскивал жадно
 И угасал огонек.

ЖЕНЕ ГАЛИНЕ

Меня не баловали женщины,
Не увлекали
В канитель пухов.
Тебе одной я был завещанный
Для прозы жизни, без стихов.
Тебе одной, без меры жертвенной,
Я был семья и коллектив,
То благородный, то вдруг ветреный,
То раздражённый, то учтив.
И всё ж стихи пошли!
С поклоном
Тебе читал я наизусть:
«...А рядом женщина-икона,
Молюсь я на неё, молюсь».

РАЗГОВОР С ТЕЩЕЙ

Ну, вот что, теща, так и быть, —
С тобой мы не поладили.
Я буду дочь твою любить,
А ты пекла оладьи бы.
Люблю я долгие чаи,
Твою косынку в крапинку,
Но вещи прочие твои,
Поверишь ли, ни капельки.
А мой багаж —
Мой карандаш,
Да книг, считай, полтыщи,
Ведь их не бросишь, не продашь,
Потом таких не сыщешь.
Уж ты не сетуй, не греси,
Не плачься в свой платочек,
На кой мне ляд твои гроши
И теплый уголочек?!
Мне поле дай, мне ветер дай,
И Родину, мне милую...
Ну, перестань,
Ну, не ругай, —
Приеду и помилую.

* * *

А где ж тот берег, мной любимый,
Реки, чья участь не легка
В объятьях елей нелюдимых,
Весной — с завалами на льдинах
У ног избушки лесника?
Там жизнь свободная от груза
Злоречий, духа нищеты,
И покровительница — муза
Зверей и птичьего союза,
С судьбой общаются на «ты».
Там щедрость радуг правит тризну,
И драматический накал
Чистейших красок, звуков жизни,
И света солнечного брызги
Возносит к небесам вокал
Зверей и птичьего союза —
Родник Матисса и Карузо.
Но я люблю тебя, как прежде,
Мой берег канувшей надежды.

РОЖДЕНИЕ ЖЕРЕБЕНКА

Знаю: это было —
 В ночь брела лугами,
 По-над речкою светлой
 Маялась в кустах,
 Рыжая кобыла
 С белыми ногами,
 Хвост пустив по ветру,
 Гриву разметав.
 В темноте кого-то
 Все звала пугливо,
 Прилегла у плеса
 В трав немятый ворс.
 Пропиталась потом
 Огненная грива,
 И поник на росы
 Жаркий дымный хвост.
 Но полоской тонкой
 Небо озарило,
 И пошли сполохи,
 Подминая тьму...
 Ржанье жеребенка
 Мир осеребрило
 И кобыла вздохом
 Вторила ему.

* * *

В степной ковыльной глухомани,
За чередою солонцов*
Ветрам открытым,
На кургане
Орлица вывела птенцов;
И степь кругами опоясав,
Она орлу бросала клич —
И обмирала в страхе дичь,
Боясь птенцам пойти на мясо.
Двойняшки бело-серой масти —
Большеголовы, голенасты —
Росли, как в сказке, по часам.
И в знойный день, взмахнув крылами,
Великолепными орлами —
Из глухомани — в небеса...

* *Солонцы* — засоленные почвы, образующиеся из солончаков при понижении уровня грунтовых вод (по мере вымывания избытка солей из верхнего слоя солончаков).

* * *

Эгей, мое раздолье,
Нечесанные травы!
Шалфей, пырей и донник
Налево и направо.
Я сам бы ел вас,
Черт возьми,
Да вот беда великая,
Стою я посреди земли,
Опутан повиликою.
Стою прикручен
И ветвлюсь
В согласии с природою,
Пускаю корни
И дивлюсь,
Что я — не я уж вроде бы.
Что и не сесть мне,
Не упасть,
Что больше не потопаю.
Меня взяла земная власть —
Шуметь над вами тополем.

ВОЛЧЬЯ СМЕРТЬ

За деревней сугробы горбатятся,
А над ними кусты, как кресты.
Подглядел я, что волки там прячутся,
Поджимая упруго хвосты.
Их вожак, сединою отмеченный,
Лёгкой индевью взят до усов,
Затаился за банькой до вечера —
Засекает посты ярых псов,
Тьмы спасительной дожидается...
Напряжением налитый торс,
А над холкой
Дымком чуть кудрявится,
Горькой степью пропахший ворс.
Волк, изведав удары картечные,
Без разведки не рыщет теперь:
На кошару нацелен с овечками,
Словом, волк — он без мяса не зверь.
Будет так: в предрассветное таянье,
Сделав лаз у подгнившей стрехи,
Он к отаре прорвётся со стаею —
Берегитесь его, валухи*!
Только что это?
Выстрелы треснули! —
Волк уткнулся в сугроб головой...
До сих пор помнят дали окрестные
Захлебнувшийся кровью
Вой...
Как он скреб перебитыми лапами,
Как хрипела пробитая грудь...
На три дня после этого запил я —
Все мерещился мне волчий путь.

* *Валух* — кастрированный баран.

МОЙ ВЕК

Мой век,
Я жил с тобою вровень
Не по верхам, а по низам,
Когда пахал ты на корове,
Когда поднялся к небесам.
Войны кровавые дороги,
Погибших близких имена —
Всё, все недетские тревоги
Язвили ранами меня.
Я был, как все,
Умыт, подстрижен,
И на судьбину не роптал,
В мороз в лаптях
Скользил на лыжах
В тайге, где всем хотелось
Выжить.
Берданка — весь мой капитал.
Познав суровую изнанку
Печалей, песен и стихий,
Забросил лыжи и берданку —
Кропал статейки и стихи.
Меня любили и карали
За верность правде и перу;
Не выносил двойной морали
Ни на миру, ни на пиру.
И вот, приблизившись к покою,
Шагнул я
В двадцать первый век,
Но с биографией такую
Он все стихи мои отверг.

Ему подай салон в Париже,
Да что б «а ту при»* в неглиже,
Хотя б до пояса и ниже,
Не бенуар — в бельэтаже.
Мой век,
Зачем быть целомудрым?
Я музе вопию — отбой!
И непременно завтра утром
Куплю на пенсию «Плейбой».

* А ту при — (*франц.*) — любой ценой...

* * *

Говорят, — у последней черты
Воспарится душа: Бога ради,
Дай узреть материнские пряди
И глаза неземной доброты.
Но в распахнутых миру глазах,
Что увидит жестокий и косный? —
Неприглядную темень
И космос,
Не приемлющий боли и страх.
Сотворенный тобою кумир,
Душу выжегший
Или взрастивший,
Над тобой,
Как над загнанным рикшей,
Явит жизнью взлелеянный мир.

* * *

День и ночь бродят мысли за мной,
И зимою, и солнечным летом,
Вместе с ними по миру с сумой
Блудным сыном отправлюсь по свету.
Побреду под снега и под дождь.
Может, на год, а может, на годы;
Обремкавшись *, как закланый бомж,
Возликую — ура!
Я — свободен...
А когда, отупев до конца,
Докачусь до черты окаянной,
Пожалею, что нету отца,
Чтоб вернуться к нему с покаяньем,
Воспарится немощная плоть —
Есть надежда, что примет Господь.

* *Ремки* — рваная, грязная одежда.

* * *

Что ни день, то упорней тружусь.
Это — страх: пролетела молодость!
Но однажды навалится грусть,
Опьянит меня пуще солода*.
Так вот лошадь, опробовав воз,
Вдруг тряхнет головой крутолобою,
Напружинит дугою хвост
И пойдет танцевать меж оглоблями.
Что пригрезится в звоне подков,
Под ожогом безжалостной плети? —
То ли вольница табунов,
То ли буйные скифские степи.

* *Солод* — продукт, получаемый при проращивании семян злаков, главным образом, ячменя для изготовления пива.

НОСТАЛЬГИЯ

Заря прицелилась в зенит
Багрянцем стрел в остаток ночи.
Встряхнулся,
О былом звенит
В степи, проснувшись,
Колокольчик.
Звенит валдайским языком,
Глаголет об ушедшем мире —
Издавека,
Из тех веков,
Когда Сибирь гордилась ширью
Еще непаханных пространств,
Боярским мехом соболиным,
В преданья
Отошедших царств,
Поросшим временем былинным.
Сколь ностальгии в том звонке.
От одиночества — досады...
Не тройку гонит он.
К реке
Ведет медлительное стадо.
Отболоболит
И — затих,
В тени дремотной водопоая...
Не о покое этот стих —
О равнодушии покоя.

* * *

Болячки прошлого...
Уж лучше их не трогать —
Разбередишь...
Но знаю: до сих пор
Одни, кощунствуя,
Из сердца гонят Бога,
Другие — к Церкви обратили взор.
Одни верны устоям атеизма,
По-прежнему твердят:
— Ну, где ваш Бог?!
Но Пасху чтят,
И Рождество,
И тризну,
Когда беда приходит на порог.
Не выстудит ни власть, ни непогода
Молитвенную жажду из людей;
Уж такова духовная природа:
Прими, Всевышний, душу
И — владей!
Путь к вере обретают по желанью,
Свободные,
По жизни колеся,
А знай где Он —
Страшило б наказанье
И принуждало б верить всех и вся,
Тиранствуя,
Опутав, как вериги,
И волю, и сознание, и дух.
Творец ко всем греховным был бы глух,
И жили бы по-скотски
Без религий.

* * *

Памяти М. Д. Сурганова

В сентябре,
Столь обильном месяце,
Пусть любовь моя яблоком светится,
А сорвут ее — отгорю,
Не хочу к ногам октябрю!
В октябре уже стынь промозглая,
Вся в репьях, ледышах — чешуе,
И душа, спохватившись, —
Не поздно ли?
Заскучает о тишине.
В октябре на Чанах тянет ветер
По воде бесконечные сети,
Словно струны рвутся у гуслей,
Так кричат растревоженно гуси.
Поднялись же они на крыло
В безысходность прощального круга —
Нету друга, исчезло тепло
И — белым помело,
Рада вьюга —
Скулы песни морозом свело.

* * *

Как будто стынть и холодок внутри
Отрыжка прошлой непогоды.
Душа молчит и день, и два, и три —
Боюсь, что так продлятся годы.
Погас неизречённый ток в крови —
Забыты напрочь ямбы и хорей;
Душа велит: стихи свои порви
И выбрось в мусор поскорее.
Согласен!
Я заброшу все стихи,
Они уже не в радость мне — обуза!
— О, да! Стихи твои плохи, —
Сквозь зубы подтвердила Муза.
И, взгляд скосив через плечо,
Вдруг снизошла, потупив долу очи:
— А впрочем...
Впрочем, напиши ещё,
Что я люблю тебя
Не очень.

* * *

Всё короче та самая нить,
Что дана человеку от роду.
День придёт — и я брошу курить,
Буду пить минеральную воду.
Как последний из всех — скупердяй —
Буду в небо глядеть сквозь окошко
И просить, мол, тепла мне подай,
Слышишь, солнце, тепла хоть немножко.
И на грани, в пространстве ином —
Между этим и тем, горним светом —
Всё же дрыгну ногой,
И при этом
Минералку заменят вином.
Потому что взмолюсь:
— Ёлки-палки!
Что за жизнь —
Без вина и рыбалки?!

* * *

Загулял, закеросинил —
Развесёлые дела!
Было небо цвета сини,
Стало чёрным добела.
Я ещё хватил на вскидку,
Тост подняв за вечность звёзд,
Глянул —
Небо-то с овчинку
И дырявое насквозь.
Как найти бы тех нахалов,
Да встряхнуть бы им мозги:
Топчут небо кто попало,
Так загадили —
Ни зги!

* * *

Вчера был добрым,
Нынче — злее.
Боюсь возникнет завтра месть.
Чем больше счастья,
Тем трезвее,
Я принимаю мир как есть.
Он так знаком!
Как сказка, древний
Как глобус, — больше голубой...
Вдруг за него проснулась ревность
Он стал, как ты, —
Моей судьбой.
Я узнаю в твоих заботах
Истоки всех его тревог:
Смешались дождь
И капли пота,
Легла граница на порог.
Не ветер дунул —
Вздох тяжелый
Родился из земной груди,
И то не тучи — давят думы
Всю землю:
Что там — впереди?

НА СКЛОНЕ ЛЕТА

Печально, что назад уж нет возврата,
А впереди — ни званий, ни чинов;
Подобен я осеннему Каргату
В слиянии Чулыма и Чанов.
Не рою берега и пыл не трачу,
Чтоб многоструйность завязать в клубок:
По-августовски кроток и прозрачен,
Но в омутах — по-прежнему глубок.
А что там в глубине — на самом донце,
Где без надежды тонут голоса,
Не знает и полуденное солнце,
И, как ни странно, — я не знаю сам.
Берёзовые, ивовые колки
В верховьях лето в листьях берегут,
А здесь, в низовье — тростника метёлки
Вовсю цветут на влажном берегу,
Бездымным рыжим пламенем блистая
Под солнцем, как орлиное перо,
Вслед лебединой нежно-белой стае
С молодняком, поднятым на крыло.
О, как душа рванулась,
Как хотела
За ними вслед,
Хоть на метле верхом,
Но поняла, что есть важнее дело —
Она должна трудиться над стихом.
И отражать прекрасное — прекрасным,
Ужасное — желанью вопреки...
Зеркальная поверхность не напрасно
Дана на склоне лета для реки.

* * *

Такая еще робкая трава,
Такая, что рукою не погладить.
И я смежил усталые ресницы,
Чтобы забыться,
Может быть, уснуть,
Но — мнится...
Господи!
Под наслоением лет
У памяти на доньшке
Пробился,
На самом краешке ее границ
Пророс тончайший луч воспоминаний
И высветил цветов несмятых остров.
Беспомощных,
Похожих на цыплят,
Отставших от рассеянной хохлатки.
Я не дышу.
О, только б не спугнуть
Дрожание пугливого тепла
Над стрелками качающихся трав
И россыпью от голубых до синих,
От палевых до трепетно-горячих
Цветов заблудших памятной поляны.
Тех, что цвели еще в зените века.
Я позабыл про слякоть на дворе,
Про заунывный шум дождя и ветра.
Что мне до них!
Я скован летаргией,
Я отрешен внезапным наваждением,
Пришедшим, очевидно, с током крови
От смолокуров — прадедов моих.

Моя весна,
Ко мне весна пришла!
Пусть это островок,
Не континент,
Пусть это только чудится,
И все же
Поверил в грезы,
В счастье я поверил,
Забыв реальный мир,
Но, к сожалению, оставшись человеком
С досадною привычкою
И даже
Ничуть не ослабевшим эгоизмом.
И вот уж мои руки потянулись,
Чтобы сорвать хотя б один цветок...
И — вмиг исчезло все.
А за окном —
Как прежде, дождь,
И оголтелый ветер
Опять скрипит разбитою калиткой,
Беснуется над робкою травой —
Смиренною предвестницею лета.
Погожих дней и щедрого тепла.

* * *

Не во сне, не в бреду — наяву,
Вспоминая о прошлом, теперь я
Незнакомой мне жизнью живу
Среди тщетных потуг и безверья.
Так в обители грешный монах,
Начиная молитву с порога —
Весь в прошедшем.
Но вера и страх
Обещают прощение Бога.
И хоть глушит слова тусклый свод
Над мерцанием иконостаса —
Он поклоны неистово бьёт
Под надзором всезрящего Спаса.

* * *

В глуши дремотного таёжного безлюдья.
 Где каждый выворотень лапой целит в темя;
 Туман осенний плотен, словно студень,
 А тёплый вечер замедляет время.
 И пахнет почему-то волчьей псиной,
 Древесным тленом —
 Резко и коряво,
 Так вдоль дорог, отравленных бензином,
 Желтея, умирая, пахнут травы.
 Сюда, к трём домикам на взгорье,
 К развалюхам —
 Свидетелям бывшего поселения,
 Явилась молчаливая старуха
 В пресветлое Христово Воскресенье.
 Струилась прядь из-под платка печали,
 Лицо подёрнуло как будто бы недугом;
 Слезающимися скорбными очами
 Она со вздохом обвела округу.
 Искрилось солнце в пойме по-собольи,
 Вдали грачи горланили с надрывом;
 Без окон церковь
 И без колокольни
 В бурьяне утопала сиротливо.
 Под стенами остатки от сугроба
 Мерцали холодом
 Средь потемневшей влаги,
 А с мраморного белого надгробья
 Пришелицу благословил архангел.

* * *

Зачем мне в прошлое
Путеводитель?
Всё, что ничтожно —
Я давно забыл...
Благодарю тебя, мой ангел,
Мой хранитель, —
Незримый страж изменчивой судьбы
За то,
Что я со смертью не играя,
Не обезумел —
С толку сбитый я
Шагал по краешку,
По самой кромке края
Последнего мгновенья бытия,
Не зная страха,
Как буддийский лама
Над пропастью тибетской,
Не дрожал,
И ангел мой
Небесными крылами
Над бездной
От паденья поддержал.

* * *

Холодны глаза, улыбки, звуки
В оглашенной давке городской...
У костра зари согрею руки
В ивняке плакучем над рекой.
Здесь в объятях тишины зелёной
Дышится запойно и легко.
Здесь кувшинки.
Лопоча спросонья,
Пьют туман — парное молоко.
Всякая пичуга жизни рада —
Свиристит, тилинькает, свистит;
Здесь её стихия и отрада —
В переливах песенных зенит.
И совсем не певчие вороны
На берёзах парами сидят.
Ветерком причёсанные кроны
Прячут под листвою воронят.
Нынче солнце припекает жарко,
Но тревожит пасмурная даль...
Их удел — чего-нибудь накаркать
Не беду, так чёрную печаль.
Я для них отнюдь не посторонний
Добрый и бескрылый чародей:
Чту законы птичьи.
По-вороньи
Не люблю скопления людей.
Даже деревенские сороки
Покидают сёла навсегда.
Если разрастаются широко,
Тщетно подражая городам.

Там, охрипнув,
Не воркуют — стонут,
Если вдруг завидят лошадей —
Голуби асфальта и бетона,
Шинами прошитых площадей.
Потчуют их в скверах геркулесом,
Сдобой, мороженым, смеясь...
Но с полями, с полудиким лесом
Теплится их прерванная связь.
В птичьих снах,
На каменных карнизах,
В чердаках,
Что холодней тюрьмы:
Видятся порою в перьях сизых —
Лес, заря, рождённая из тьмы.
Всходит солнце!
Припекает жарко...
В переливах песенных зенит...
Но — трамвай внезапно зазвенит,
И — проснется голубь
От инфаркта.

ПОКАЯНИЕ

Колесил я по свету немало
 И к дорогам, как к песне, приник.
 Вновь сквозь колки, поля и увалы
 Мчит меня с ветерком грузовик.
 Работяга,
 Из тех беззаветных.
 Что безропотно служат свой срок.
 Он, обшарпанный лапами веток
 И обляпанный грязью дорог,
 Пропыленный стотысячным ветром,
 В шрамах сварки,
 Но весь торжество,
 И, как годы, плывут километры
 Под лихие колеса его.
 Крутит, вертит баранку привычно,
 Развалясь на сиденье, как туз,
 Васька, старый мой друг закадычный,
 Сапоги да помятый картуз.
 Он на жизнь смотрит просто и умно:
 Хлеб — буханка.
 Хлеба — это рожь...
 А когда-то, отчаянно-буйный,
 Он водил за собой молодежь
 Веселовки-деревни.
 И, впрочем,
 Забияка из забияк
 Вдруг влюбился, женился
 И очень
 Изменился —
 Притих и обмяк.

С мужиками, как равный по праву,
На собранья ходил за полночь.
Образумила, видно, Купава —
Пантелеича младшая дочь.
Но старик недоволен был зятем,
Удивлялся, наверное, с год:
«Как смогла ошалелого взять-то?
Разлягай меня, старого, кот!»
И от старческой этой доуки,
И по ряду семейных причин,
Разогнав вселенскую скуку.
Васька сделал «великий почин».
Он практичнее стал после свадьбы:
В долг залез да чуток подкопил —
Дом купил на центральной усадьбе
И с Купавой туда укатил.
Всем казалось, что правильно, точно:
Из бригады — в родной же колхоз.
Но старик осерчал и на дочку.
И на Ваську, что дочку увез.
Вот с тех пор и пошло, как от мора:
Что ни месяц, то новый беглец.
Скот, дома, даже колья заборов
Увозили с собою.
Конец!
Веселовка моя отшумела.
Отплясала под ливенки звон.
Огородами, тропками.
Смело
Обложили ее со сторон
Иван-чай, конопля и крапива;
Средь остатков навоза, трухи,
Безнаказанность чужа, на диво
Широко расцвели лопухи.

Дай им время —
 И вся эта скверна
 Все следы человека сотрет
 Лишь тоскуют о людях, наверно,
 У разбитых калиток, ворот —
 Тополя да черемух сплетенья;
 В память улицы, жизни былой.
 Над скворешнями прежнее пенье
 Уж не песней звучит, а хулой.
 Весловка моя, Веселовка,
 Боль и радость в окрепшей судьбе,
 Пред тобою мне, право, неловко,
 Что помог я заглохнуть тебе.
 Горько мне!
 Ты довольна возмездьем?
 Я носить его в сердце устал.
 Потому и решил хоть проездом
 Поклониться родимым местам.
 Там на взгорье, в березовой чаще,
 Вдалеке от земной суеты,
 На погосте застыли скорбяще
 Над могилами предков кресты.
 Много их в этом кладбище тесном,
 Хлеборобов, как в поле зерна,
 И ухваткой, и силой известных,
 В отошедшие те времена.
 Может быть, что кого-то и помнят
 И порою заходят сюда...
 Покосилась, поникла часовня,
 В тишине доживая года.
 Вместо окон — пустые глазницы,
 Мхом тесовая крыша взялась,
 И с карниза, где лепятся птицы,
 Облетает узорная вязь.

А вокруг — ни души,
В эту пору
Дышит маревом даль деревень,
И на землю ложится покорно
От листвы закипающей тень.
Щуки хлестко стреляют в осоке,
Хмельно плачет по ярам сова,
Но весны отбродившие соки
Жадно в корни впитала трава.
Молодое и крепкое племя
На родном пепелище цветет...
И припомнилось мне:
В это время
Собирался наш сельский народ
За кладбищенской ветхой оградкой
Помянуть и родных, и чужих,
И суровые скорбные складки
Застывали на лицах у них.
Я не трагик,
Ни черту, ни Богу
Никогда не молился,
И все ж
Опечален бывал и растроган
Этой тризной...
Живи, молодежь!
Разрастайся
С весенним напором.
Но, смиряясь с ушедшим давно.
Помни их, на оплаканном взгорье,
Как ушедшее в землю зерно.
И, наверное, будь бы я в силе.
Учредил на века скорбный день.
День поминок на братской могиле
В вечность канувших деревень.

* * *

Поражаюсь природы замыслу,
Что гармонией мы зовём,
Потому добровольно, сам я
Объясниться спешу со зверьём.
Знаю:
Дольше живут осторожные,
Так учил меня в детстве дед,
Но на встречу,
Страхом стреноженный,
Всё ж иду получить ответ.
Видно, предков риск
Нерастраченный
Не исчерпать и мне на роду,
И на грани удач с неудачами
Я погибель себе найду.
А тайга
На пихтовых лапищах
Ждёт,
На сопке выгнув хребет,
И луна,
Меж деревьев сквозящая,
Будто рысь,
За мной следом бредёт.
Ну, кому здесь в любви
Объясниться мне?
Без ножа я и без ружья,
Кто там в чаще скрипит половицами
Выходите с клыкастыми лицами —
Вот вам лапа моя, друзья!
К вам смиренно
Душа моя просится,
Переполненная

Николай Тельпухов

Усталостью.
Мне бы с вами
Хотя бы в рожицу —
Буду счастлив и этой малостью.
Так примите ж в свою обитель
Инородное тело моё,
Ведь по замыслу Бога я, видите ль,
Человек,
А по сути — зверьё.

* * *

Был мечтами богат, как Крѣз*,
 Песни дедов — моя основа.
 Край кедровый, где рос и мѣрз,
 Не согрел ни теплом, ни словом.
 У зелёных байкальских скал,
 У морозных огней Норильска,
 Сам не знаю, чего искал,
 За какую свободой рыскал.
 До сих пор холодок в груди,
 Да пустынно-степное эхо,
 Значит, счастье моё позади —
 Не заметил, как мимо проехал.
 А дорог, было столько дорог!
 Но на каждой под сенью буден
 Власть всю душу брала в залог
 И творила идейный студень:
 Ей был нужен послушней желе..
 Под снегами, и под дождями
 В подкидного — тузов не жалел,
 Козыряла она — вождями.
 Нынче новые времена,
 Постигаю их, как науку...
 Козырай же любовью, страна,
 Ты нужна моей внучке и внукам.

* *Крѣз* — последний лидийский царь, правивший в VI веке до нашей эры. Был баснословно богат, но деньги не принесли ему ни счастья, ни признания.

* * *

Наливается злаковый колос,
Стрелки трав осыпают пыльцу,
И берёзы задумчивый голос,
Как невесты, идущей к венцу,
Как невесты созревшей,
И свадьба
Неизбежна.
А брачная ночь
И страшит, и томит,
И невмочь
Даже мысленно
Отказать бы,
И отречься от будущей доли,
В ожидании счастья и боли...
Узнаю!
Как берёза стройна,
Под фатою любви и печали
Загляделась в неясные дали,
Обручённая с веком страна.

* * *

Книги, книги...
Шумно среди книг.
Их многоголосие о сути
Яростных коллизий и интриг,
А порой — о счастье, об уюте...
Луг. Стада. Свирели пастораль —
Этакая трепетная малость —
А за нею — авторская самость,
Небуколическая* даль.
И охватит душу ностальгией,
Той, что упивался сам Вергилий**,
Меценату голову вскружив...
Потому, наверно, с юных лет
Для меня писатель и поэт
Истинно живой, пока я жив.

* *Буколика* — жанр античной поэзии, идеализированно изображающий пастушескую жизнь.

** *Вергилий* — римский поэт. В 39 году до н. э. был опубликован цикл пастушеских стихов «Буколики», имевший большой успех и сделавший его автора самым популярным поэтом своей эпохи.

* * *

Солнце в тучах дыру протаяло
И порывистый ветер стих,
Просияло, как рвущийся стих,
Изболевшей души Цветаевой.
Сколько лет молчком говорили —
Лишь глазами да складками губ:
Поэтессы язык не груб,
Но... читателя нет у Марины.
Для Америки, для Китая ли
Вряд ли внятен образ рябин,
Но России... Из коих глубин
К нам восходит Марина Цветаева..
Словно солнце, протаяв,
Кается:
Голос твой до срока затих...
О, пронзительно рвущийся стих —
«Не от мира сего» твоё таинство.

* * *

Венок сонетов — мысли мастерство —
Дизайнером причёсанная роща,
Где слово — торжество и божество —
Цветёт, благоухая, и не ропщет.
Венок сродни подарку жениха
Ещё некольцованной невесте
И, несомненно, им уютно вместе
Под сенью величавого стиха.
Венок, тесня бездарную халтуру,
Возносит до небес литературу
И автора загадочный портрет,
Пиит сей претендует на скульптуру
Уже не как поэт, а — поэт...
А нынче в моде не венок — букет!

* * *

Я знаю невесомость,
Всё так просто.
Не напрягаясь, распластав желанье,
Не уменьшаясь в весе или росте,
Плывёшь, не замечая расстоянья.
Нет, не паришь.
Ты, словно в океане
Скользишь в родной стихии,
Невесом,
Доверившись непостижимой тайне,
И с грустью понимаешь — это сон.
Что явь полёта
Птицам чаще снится,
А крылья ангелов — канон иконописцев.
И всё же, и всё же, мысленно витая,
В прапамяти —
Доносится, как звон
Далёких лет, когда и мы летали
Духовным взором, подтверждает сон.

* * *

Ночь. Костёр.
 Да уха отменная.
 Водка. Стопка.
 Да дум клубок.
 Голова моя.
 Ты — Вселенная,
 Я же твой —
 Обречённый бог.
 В речке — звезды,
 Луны мерцание,
 Да жар-птицей
 Дрожит огонь.
 Отрицание
 Отрицаний,
 Этой ночью
 Меня не тронь.
 Размотаю
 Клубок я начисто,
 Доберусь
 До его нутра:
 Переходит
 Количество в качество —
 Песней новую
 До утра.
 Породнил я
 Единство с множеством,
 Гаснут звёзды,
 Шумит вода...
 И с борьбою
 Противоположностей
 Примирился я
 Навсегда.

* * *

Ни счёта, ни износа, ни старенья
Мгновениям мелькнувшим навсегда.
Они — ничьи.
Для них ничто забвеньё
И даже память чья-то — ерунда.
А человек, познавший жизни бремя,
Узрел в мгновеньях роковую связь:
Он понял — в угол не загонишь время,
Над ним довлеет неземная власть.
Минуты вдохновения и риска
Ценой даются людям дорогой;
На чёрный день
Ни для себя, ни близких
Не спрячешь про запас часок-другой.
Исток неисчерпаемых мгновений —
Миры, квазары, звёздный рой веществ.
В непостижимой вечности Вселенной
Бессмертное движение — их крест.

* * *

Мне грустно.
 Вздвигается внук на колени,
 Теревит за бороду, гладит любя,
 Он — весь вдохновенье,
 Он — крохотный гений,
 Еще не достигший порога сомнений
 И сказке любой доверяет себя.
 Ему нашептали в затишье игрушки,
 Что дед был всегда молодым стариком,
 Что бабушка тоже еще не старушка,
 И сам Александр Сергеевич Пушкин
 Приедет к нам в гости
 На чай с молоком.
 О, ветка моя!
 И любовь, и отрада,
 Осанна души,
 Откипевшей в былом:
 И грустно, и пусто,
 Лишь жженья осадок
 От прошлой досады,
 Что жил я с неправдой
 Под общею крышей,
 За общим столом.
 А ложь, милый внук,
 Умножается ложью,
 А зло обнажает звериный оскал,
 И ярость выходит во тьму бездорожья
 В стране, где спастись
 От себя невозможно;
 Безумец, я в людях спасенье искал.
 Так пусть же минует тебя сия чаша,
 А сказочный мир будет добр и красив,
 Не прежде, чем станешь
 Мудрее и старше...
 Всевышний, прости прегрешения наши,
 От свары и скверны детей упаси.

* * *

Вас скликаю.
Захмелев от грез,
Вас зову.
Друзья степей — номады*.
Мой дворец
По высоте — до звезд.
В ширину —
Ни стен и ни ограды.
Тамада —
Веселый вешний гром.
Степь под небом —
Скатерть-самобранка;
Талых вод
Живое серебро
Нам наполнит кубки
Спозаранку.
Чтобы кровь
Ударила в набат,
Мол, пора нам
Прекратить раздоры...
Слышите,
Как ангелы, трубят
Лебеди
На чановских просторах:

* *Номады* — это традиционно мигрирующие народы, живущие за счет скотоводства. Номадами сегодня называют, в основном, молодых людей, которые не привязываются к месту жительства или работы. Они готовы променять комфорт, стабильность и карьерные перспективы на жизнь в непрерывном движении за лучшим. Номадов считают авантюристами, бегущими от проблем: «где хорошо, там и живу».

Мир вам, люди!
В горе — не скорбеть,
Дабы избежать судьбы
Плачевной...
Мир вам, люди!
В счастье — не робеть
Хватит всем,
Застолья в Барабе —
От таежных
До степных кочевий.
Эти широта и высота
Пусть пребудут с вами,
Как спасенье,
От любви весенней
До осенней...
Мир спасут
Любовь и Красота.

* * *

Ко мне знакомый баритон
Порой с похмелью заходит
И песнь унылую заводит,
Настроив тон на камертон
Напева Нерчинска и Шилки,
Чей дух не сломлен
В дебрях ссылки.
Сидим вдвоём.
Не скучно нам.
Полны привычные бокалы,
И ветры буйного Байкала
Наш парус гонят по волнам
Туда, где предков пепелище,
Где нас не помнят и не ищут.
Какая в голосе тоска
Об отчем доме и свободе!
Былая боль в нас колобродит,
Вздувая вены на висках.
Так ноют ноги инвалида,
Которых нет. Крепка обида
В народе — до мозга костей,
И не даёт душе покоя
От чинодрала до изгоя
Наследство вековых страстей.
Не потому ль царит над Русью
Любовь, пронизанная грустью.

* * *

Будет день.
Под безжизненным снегом
Встрепенётся младенцем ручей:
Мол, и альфа я,
И омега —
Радость солнечных праздных лучей.
Весь — небеснолитой,
Многогранен,
Весь текучий поток хрустала...
А на древнем оплывшем кургане
Обнажится,
Оттаяв, земля.
И проглянет трава-недотрога,
И набухнут бутоны цветов;
То — душа
Пробивается к Богу
Из-под холода тяжких пластов.
Расцветёт,
Тишины не нарушив,
И вспорхнёт,
Над курганом скользя...
В этот день
Обнажённую душу,
Заклинаю вас — трогать нельзя.

* * *

Привет, дружище!
Как живём?
И что творим?
Кому в угоду?
В какой бездонный водоём
Стекают дни, а может, годы?
Он взят в бетон или гранит?
Проточный он иль стока нету,
И глохнет, ряскою покрыт?
А жизнь куда течёт?
Не в Лету?
Как подрастает твой малыш?
Чего вы ждёте вместе с сыном?
Так почему же ты молчишь?
И друг, как привиденье,
Сгинул.

* * *

Страшусь
Иудина двуличья
В атеистической пустыне;
Горжусь,
Что сердцем принял притчу
Библейскую о блудном сыне.
Стыжусь:
Сын русского Ивана,
Крещённый под Святым Крестом,
Чурался службы православной
И ныне гребую постом.
Молюсь!
Душевная разруха
Тускнеет в новом свете дня,
И церковь —
Храм Святого Духа —
С надеждой смотрит на меня.

* * *

В свой божий дар теряя веру:
«Аз есмь творящий,
Аз — воздам!»
Мы поклоняемся химерам
И необузданным вождям,
Ведущим нас к истокам рая,
Без переправ и без мостов;
Покорно им судьбу вверяем,
Следим за царственным перстом.
Нам сладок властный плен служенья
До тех границ, до той поры,
Пока в пылу самосожженья
Мы вдруг не выйдем из игры
Вдрызг отработанной ступенью
Ракеты,
Рвущей небосклон.
Закон земного притяженья
Отнюдь не выдумал Ньютон.
Они — извечные законы —
Творца-Создателя следы:
Весь мир незримо ими скован
С рожденья камня и воды.
Им несть числа.
И только глухо
Об этом помнит старина...
Ведь благодать Святого Духа
Пока лишь избранным дана.
Веков божественная мудрость
Ведёт нас
По ступеням ввысь
Из тьмы духовного абсурда
В духовноправедную жизнь.
Взломав, как лёд весною,
Косность,
Взойдём
На пьедестал времён,
И распахнёт нам руки Космос,
Фаворским светом озарён.

НА ОКРАИНАХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Все порождено Вселенной

К. Э. Циолковский

Причанье — долгое прощанье
 Предголоценовой среды
 С пространством неба и воды.
 Здесь солонцы, как завещанье, —
 Озер исчезнувших следы.
 Они с налетом горькой соли.
 Чуть обрамленные травой,
 С багрянцем.
 Сизой муравой
 На затвердевшей, как от боли,
 Земле бесплодной и сырой.
 Вглядишься в неё,
 И вспыхнет жалость —
 Исчезло море среди степей;
 Оно вольготно здесь плескалось,
 Где Абышкан хранит усталость,
 Сартлан отвергнут, как плебей.
 Где острова-ковчеги плыли,
 Благословленные Творцом;
 Кормились гуси в черном иле,
 Базары чаек острокрылых
 Мальками пичкали птенцов.
 В студеных водах жизнь кипела:
 По-волчьи цепки и быстры
 Шныряли щуки,
 Обалдело
 Металась мелочь,
 То и дело
 По дну скользили осетры

На глубине.
А вслед за ними,
С восходом солнца,
В ясный день,
Ища под зарослями тень.
Лениво двигались налимь.
Иртыш торил свою дорогу
К Оби, сквозь ледника покров,
А Салаирские отроги.
Людьми обжитые,
С тревогой
Вдыхали запахи костров.
Но оживала панорама.
Когда на север.
Прямоком,
Минуя гривы, речки, рямы.
Гиганты-мамонты упрямо
Шагали вслед за ледником.
Их путь — длиной в тысячелетья —
Был драматичен и суров:
Скитальцы тундры шли за смертью
В туманы гиблые.
Под шерстью
В телах могучих стыла кровь.
Ушли...
В долинах стало пусто.
Ушли под своды миража...
А у меня такое чувство,
Что я там был
И было грустно,
Когда их взглядом провожал

Без слез и вздохов укоризны.
 Как незлопамятных друзей:
 В той древней, очень давней жизни
 Само понятие — Отчизна —
 Был круг доверчивых зверей.
 О, слабый!
 В сильном он привычно
 Искал защиту от врага;
 Опасней зубы, чем рога,
 А человек был просто дичью
 Бескрылой и на двух ногах.
 Подслеповатые ж гиганты
 Средь белой ярости снегов,
 Озёр и рек без берегов
 Не знали равных, как атланты,
 По воле рока и богов
 В борьбе за жизнь.
 Увы, однако,
 Когда недвижимая ночь
 Слепила мамонтов,
 Из мрака
 Взрывалась факелов атака —
 Бежали звери в страхе прочь,
 Порой пути не разбирая,
 И попадали в западни:
 О колья брюхо раздирая,
 В жестоких муках умирая,
 Трубили реквием они
 На свой звериный жуткий лад,
 Моля пощады за гордыню
 У человека... И поныне

Николай Тельпухов

Находим кости их, как клад...
Фантасты!
Я даю вам фору:
Пройдут несметные года —
О наших дилетантских спорах
Расскажут фауна и флора,
Кристаллы соли и вода.

* * *

Из бездны мглы
Летит Земля по треку
Своей орбиты
Миллиарды лет,
Течение сил её
Невластны человеку,
Истоки их — содружество планет.
Крепка их связь,
Незримо их согласие,
Вселенная зависима сама
От полноты и широты их власти,
Космической гармонии ума.
В полях магнитных
Кружит звёздный ветер,
Кометы шлейфами
Метут пульсаров* пыль...
Что жизнь землян? —
Не нахожу ответа:
Мифическая небыль
Или быль?!

* *Пульсар* — космический источник излучений, приходящих на Землю в виде периодических всплесков (импульсов).

* * *

Цвела земля.
Ни войн и ни гонений.
Ещё неведом жертвенный алтарь
И суть явлений прозябала в лени
Чтоб не иначе то, что было встарь
Но кроманьонца творческая сила
Прорвала косность, словно солнце — хмарь:
Свой быт и подвит
Каменным рубилом
Увековечил человек-бунтарь.
На сизых скалах, на гранитных кручах,
В пещерах, среди тьмы и немоты,
Запечатлел,
Как ловок, как могуч он —
Охотник и хранитель красоты.
А у костров,
При факелах, лучине,
Забыв про сон и сонмища зверей,
Он вырезал фигурки и личины
Своих «мадонн», владычиц-матерей.
О, юность человечества!
Кощунство
Обречь твои петроглифы на слом:
Стихийное нетленное искусство
Творила ты, не ведая о том.
Благоговевя пред небесным сводом,
Как человек разумный —
Не дикарь,
Учился он считать и дни, и годы,
Оттачивая лунный календарь.
Земное и небесное пространство
Внушало страх,
А разум бунтовал:

Где край всему?
 Тысячелетья странствий —
 Он брал за перевалом перевал.
 Цвела земля,
 Тесня ледник на север.
 Последний мамонт сгинул средь зыбей.
 Под северным сияньем новой эры
 Раскачивало тундры колыбель.
 А в знойных дебрях древнего Ирака,
 Где было тесно птицам и зверью.
 Ища защиты, дикая собака
 Привыкла к человеку и жилью.
 История имён не сохранила,
 Но помнят воды, помнят небеса
 Того, кто первым
 На разливах Нила
 Наполнил щедрым ветром паруса.
 Как вздрогнул мир степей
 И как опешил
 Люд пеший,
 В изумленьи сторонясь.
 Когда стрелой
 Пронесся, словно леший,
 Безвестный всадник, приручив коня.
 А в наших генах смутно и сегодня
 Пульсируют полузабытым сном
 Бег лошадей раскованно-свободный
 И след в траве под первым колесом.
 Его изобретатель
 От избытка
 Чувств безутешных
 Горестно рыдал
 Над первою разбившейся кибиткой,
 Как над сыновней гибелью Дедал.
 Цвела Земля...

* * *

В. И. Молодину

Вновь, как охотника на тягу,
На красной дичи перелёт —
Влечёт к столу,
Беру бумагу —
Мне мысль покоя не даёт:
Ведёт тропую в перелески,
На взгорье, в древний Чичабург*,
Где по периметру вокруг
Во рву замытом арабески
На черепках.
Их тайна — веха
К разгадке бронзового века
Номад — народов Барабы.
Здесь, средь озерных диких прерий,
Оседлость «кочевых империй»
Была началом их судьбы.

* *Чичабург* — археологический памятник позднеирменской культуры в Здвинском районе Новосибирской области. Находится на берегу озера Малая Чича. Представляет собой остатки городища (укреплённого поселения).

* * *

Усталая молитвенность в природе...
Когда закат приглушит голоса —
Трагическая музыка восходит
От горизонта в темень,
К небесам.
То, мир любя,
Счастливейший и грешный,
Пустил стрелу-предвестницу —
Лети!
И звёзды расступаются поспешно
На всём её космическом пути.
Кругами наплывают в ужас ночи
Звон тетивы и пение стрелы...
А тот, безвестный,
Плачет и хохочет —
Изобретатель лука
И струны.

ОДА РОДОСЛОВНОЙ

Дремуче-зелёная Африка
С проплешинами пустынь,
Ты — сердце земное,
Фабрика
Экзотики и красоты.
Была ты и древней, и дикой,
Чернее своих кудрей,
И, как утверждает Лики, —
Праматерью всех матерей.
Очаг твой — Килиманджаро, —
Отбагровев, потух;
Эдемский рассадник — Сахара —
Отцвёл, испуская дух,
На радость твоим крокодилам —
Ровесникам гоминид*,
Тесня их на поймы Нила
К строителям пирамид
И сфинкса...
Хана каннибалам!
Природа в отборе мудра —
И княжеский сын Ганнибала
Доверился воле Петра.
Эбеновый лик эфиопа
Вписался в российский —
Судьба!
Глядит с любопытством Европа,
Как царь опекает раба.
И виснут спесивые мысли,

* *Гоминиды* — семейство наиболее прогрессивных приматов, включающее людей и больших человекообразных обезьян.

Намёки сановных вельмож:
 «А дети — в Арапа?
 Метисы!
 И внуки, и правнуки тож»...
 Синклит*!
 Примириться не могут
 По цвету, по вере с другим,
 И православному Богу
 Лампадку возжёт Ибрагим.
 Знавал он добро и жестокость,
 И чуял российский холоп:
 В нём жили закалка сирокко**,
 Загадочный сфинкса апломб...
 В непостижимости генной
 На правнука выпал тот груз:
 Из гениальнейших — гений
 Объял стоязыкую Русь.

* *Синклит* — собрание высших сановников в древней Греции.

** *Сирокко* — знойный южный или юго-восточный ветер в Южной Европе, дующий из пустынь Северной Африки и Аравийского полуострова, приносящий большое количество пыли и песка.

* * *

Вселенский мир, твои пределы
Непостижимы для ума.
Земля — космическое тело —
Творит историю сама:
Первичной жизни пионеры
Не ощущали дефицит —
Пошли на нефть и антрацит
И на создание атмосферы.
Предвидя будущие эры,
Где боги, люди — общей веры —
Раскроют тайны жизни брэнной,
Земля сполна исполнит долг:
И миром править будет Бог,
И боголюди — дар Вселенной.

* * *

Еще не сумерки,
Но засияла Вега,
Звезда — предвестница
Вечернего набега
Мерцающих огней
Далёких поселений
Под сенью осени,
Простора кочевого,
Где место думам
О создании Вселенной,
О первой вести.
Что «в начале было Слово»...
Каков его накал
И каково звучанье
Из недр небытия
И вечного молчанья?!
Кто, посвященный свыше
В тайны мирозданья.
Надиктовал Его
В немую ноосферу?
Предначертал в веках
Земных эпох страданья.
Рожденье разума,
Обрек его на веру?
Но, зная прошлое
И крестный путь на завтра,
Тиранил Землю
Пастью динозавра!
Где логика?
В чём суть
Космической обиды?

Каков заложен код
В небесной криптограмме*?
Как, памятуя,
О бесследной Атлантиде
Не докатиться
До подобной грани?
Нет! Жаден я:
Спешу
Упитья воздухом
Безоблачного неба,
Настоем запахов
Сырой земли и хлеба.
Спустились сумерки,
И в дрёме полупьяной
Уж первый огонёк — зрачок,
А месяц — веко...
Какая чушь,
Что наши предки
Обезьяны?!
Приматы —
Ветвь заблудших —
Человека.

* *Криптограмма* — шифрованное сообщение, а также процесс передачи его по каналам связи.

МАМОНТЫ

Борису Корнилову

Под ними почва прогибалась,
Дробился камень,
И тогда
Земля, почувствовав усталость,
Вдруг разомкнулась, как вода,
И поглотила, и сомкнулась,
И придавила ледником,
Чтоб мощь их снова не вернулась,
Ни прямиком и ни тайком.
Но где-то силы приумножив,
Они дошли до наших дней,
Доплыли остовами все же
Существовавших кораблей.
Гадаем мы, как хироманты*,
У их останков обомлев,
И поражаемся гигантам —
Какие жили на земле!

* *Хиромантия* — предсказывание будущего и определение характера человека по линиям и бугоркам на ладонях рук, основанное на суеверных представлениях о предопределении человеческой судьбы.

КАНДАЛЫ

Музей Новосибирска.
Под ногами
Расстелена коврами тишина.
Макеты, муляжи,
И, словно в раме,
В окне широком улица видна.
Обычный день. Снежок...
А чуть правее,
На обозренье людям отданы,
На стенде
Отчужденно, не ржавея,
Мерцают одиноко кандалы.
Минуту, две —
Мы смотрим друг на друга,
И, кажется, под взглядом,
Как в огне.
Они темнеют, скручиваясь туго,
И потянуться силятся ко мне.
Хотят, как встарь,
Пылить Московским трактом
И, ног моих лодыжки обсосав,
Свалить в кювет —
Лишь это троекратно
Отговорится выстрелу в лесах.
С ног снимут кандалы на том же месте,
Конвой отрапортует в одночасье,
Мол, был убит он при попытке к бегству...
Хвалу за службу вслед воздаст начальство.

* * *

Погас камин,
 И сбились в кучу угли,
 Тускнеющим закатом озаряя
 Текучесть мыслей
 На моем лице,
 Рожденных созерцанием их жизни
 Я вижу недоступные провалы,
 В них — явные и тайные пещеры
 Ещё полны весильного огня
 И солнечного жаркого томленья
 Дарить тепло и свет.
 Но серый пепел
 Всё ближе оседает,
 А под ним —
 Мерцает зло
 Тускнеющим булатом.
 Простёр я руки так, как подсказало
 Шестое чувство:
 Так мой древний пращур —
 Огнепоклонник и кузнец искусный
 Разгадывал судьбу свою,
 Ладони
 Сведя шатром
 Над очагом пригасшим...
 И сразу ток ударил —
 От предплечья
 В подушки пальцев.
 А в ответ — по углям,
 По глади их червленной пробежали,
 Всё выше забираясь
 И вспыхивая, искорки надежды.
 Я разгадать значенья их
 Не в силах —
 Разорвана
 И гаснет связь времён.

* * *

На нагорье схимник одинокий
Коротал в молитвах век скопцом.
Вдруг узрел змею на солнцепёке —
Жгучее, текучее кольцо.
Приподняв изящную головку.
Воронёной чешуей блестя,
Озиралась,
Взяв на изготовку
Всю спираль до нервного хвоста.
Чудилось: коснись её живое —
И она стремительным клинком...
Но — увы! —
Лишь знойной синевою
Закружила плавно и легко
Птица-хищник
В чёрном опереньи,
Как змея бесшумно уползла
В тёмную расселину ущелья —
Воплощеньем мудрости и зла.
И воскликнул схимник:
— Боже правый! —
Трижды осенив себя крестом, —
— Всех умнее и прекрасней твари!
Ведаешь ли ты, Господь, о том?

* * *

Берегите иконы
 На простеньких досках.
 Залощенных от губ,
 Потемневших от рук:
 В них великая скорбь
 Опечатана воском,
 И пропитана ладаном
 Боль бесщётных разлук.
 Берегите иконы
 С поблекшими красками,
 Что томились в чуланах,
 В тайниках чердаков,
 Чтобы жертвы за веру
 Не стали напрасными
 От рублёвских времён
 До грядущих веков.
 Берегите иконы
 В окладах серебряных,
 В позолоте чеканной,
 Дорогих жемчугах:
 Во спасение их
 В годы бед и безвременья
 Уходили в бега
 И таились в скитах.
 Берегите иконы,
 Они не безмолвные:
 В покаянье склонённым
 Их заветы слышны;
 Чем древнее иконы.
 Тем больше намолены.

Тем божественной свет
Излучают они.
Берегите иконы.
За тысячелетие
Среди смут окаянных,
Пожарищ и битв
Заслужили иконы
Права на бессмертие.
Как посредники к Истине
Через сонмы молитв.
Берегите иконы.
В них крепь Православия
И опора надёжная
Православной Руси.
Берегите иконы!
Пусть Богодержавие
С божьей помощью в каждом
Из нас воскресит.
Наступит час, пробьют куранты
Мы не ударим в грязь лицом:
Россия — лежбище талантов
И почевальня мудрецов;
Цветут парады в аксельбантах:
Россия — кузница бойцов;
Держава,
Где творят атлантов
Во имя памяти отцов.

ОТВЕРГНУТЫЙ НЕБОМ

Степная даль по осени пестра.
 Бредут стада понурые в загоны,
 И звездочка рыбацкого костра,
 Во мглу сырую удаляясь, тонет.
 Взошла Луна, как тыщи лет назад,
 Ночь распростёрла храмовые своды,
 А в душу проникает чей-то взгляд —
 Вселенски необъятный и холодный.
 Ищу его, под шляпой глаз не прячу,
 Пусть знает он, что это не игра...
 Хочу понять тебя, мой древний пращур,
 Любил ли ты такие вечера?
 Иль под небесным оком, уповая
 На волю непонятных чар и сил,
 Дрожал от страха
 Или, завывая,
 Молил пощады и, как пес, скулил?
 А может, ты — дитя зверья и риска,
 Когда хотелось, то накоротке
 С ним говорил, как равный и как близкий,
 На канувшем в столетья языке:
 О времени осмысленном,
 Конечном
 Пути взаимосвязанных существ;
 Как трудно оставаться человеческим,
 Где всё живое только пьёт и ест;
 Что миссия твоя — первопроходца —
 На необжитой девственной Земле
 Без помощи Луны,
 Тем паче — Солнца,
 Была бы многократно тяжелей.

Ты славил жизнь,
Ей воздавая почесть
И пением, в бычий рог трубя.
Наверняка космические очи,
Смежив ресницы, слушали тебя.
Я тоже пел,
Порой до неприличья,
И трезвый, и расслабленно хмельной,
Но взгляд, исполненный холодного величья,
Ни словом не обмолвился со мной.
А так хотелось бы ему сказать:
— Уверую! Дай знать. Уйму гордыню...
Сказал — молчит!
Я — шляпу на глаза
И в ночь бреду, как в чёрную пустыню.

ВПЕРЁД, ИСТОРИЯ, ВПЕРЁД!

Пора понять, кто друг, кто враг.
 Очнись, страна, от летаргии!
 Уже не сменят на другие
 Твой бело-сине-красный флаг.
 Уже проклятьям вопреки,
 Всем передрягам катаклизма,
 Дожив до края коммунизма,
 Отходят в вечность старики.
 А те, кто вживе,
 Ветхий кров
 Латают судорожно новью
 И с ностальгической любовью
 Как встарь, рифмуют — вновь и кровь.
 Им впору вспомнить «диамат»,
 Законы, методы познания —
 Всё, что зубрили без призванья
 И воплощали невпопад.
 Ускорив тем событий ход
 И всё сваливши на столицу,
 Твердят с тех пор:
 — Мы — третьи лица,
 Обманут первыми народ.
 Скулёж по поводу и без
 О том, чего уж не воротить:
 Клеймят:
 Предатель, перевертыш...
 Архигулаговский ликбез!
 Молчу о странностях любви,
 Преклонным возрастом утешен:

Николай Тельпухов

Ведь я, признаться, тоже грешен,
Как говорится, се ля ви.
Стихи! Вот всё, что мне осталось,
Они одни — любовь и страсть,
Мне не дают в дерьмо упасть,
Умножить горечь и усталость.
Всему на свете свой черёд,
Уход империй и тиранов;
Быльём затягивая раны, —
Вперёд, история, вперёд!

* * *

Как странно!
Всё, что было свято —
Любовь, достоинство и честь —
Полезли в дыры, словно вата,
Из обветшалого халата,
И человек стал виден весь.
Всем стало ясно,
Что предтеча
Был далеко не человечен.
Ужель так в прошлом виноваты
И по заслугам только месть?
Любовь — измята,
Честь — распята,
И дорогая очень плата
Нести достоинство, как весть,
Что возрожденье неизбежно:
Сияй, последняя надежда!

ОТКРОВЕНИЕ

Вопрос ребром с приватной стороны:
А патриот ли ты своей страны?

1

Боготворю, люблю, не отрекусь...
Косые косыни, на пиках — стяги,
В хоругвях зарождавшуюся Русь —
И святости, и воинской отваги.
Славянские кентавры-мужики,
Огнепоклонники,
Потомки скифов,
От Беломорья и до Дон-реки
Нам и сегодня в спину дышат в мифах.
Поляне и древляне, весь и чудь —
Послушники Перуна и Дажьдбога —
Дошли до стен Царьграда
Из лачуг
И щит прибили над его порогом.

2

Былинная, младая старина,
Где смерд и смерть
В одной упряжке княжьей,
Копьё, да меч, да верная стрела,
Да брань и торги
На путях варяжьих.
Пустели погребя и закрома,
Меха, меды скупались на потребу...
Росли по городищам терема,
И главы храмов поднимались к небу.

В руках торящих преданный гонор,
 А на плечах — посконные рубахи...
 По духу да по нраву до сих пор
 И мы немножко в чём-то мономахи.

3

Века томились в жажде перемен,
 Европу бил озноб от русской шири;
 Рукой Москвы закрыл абориген
 Границы полулапотной Сибири.
 Грешной переселенческий замес
 Осел в закутках
 Среди лесов кондовых,
 И потеснились и медведь, и бес
 Селеньям толстокожих и бедовых.
 Закон крепчал, как стужа к Рождеству,
 Менялась власть под звоны благовеста;
 И всё, что было чуждо естеству,
 В российской доле находило место:
 Большая ложь политиков, террор,
 Дворцы царей украсил серп и молот,
 По головам церковей прошёл топор,
 Страною правили разруха, тиф и голод...
 И к этой новизне великих дат —
 Сражений, революций —
 Не без толку...
 Я отношусь, как истый ретроград,
 К истории, положенной на полку.

* * *

Куранты бьют...
Бросает время вызов:
Сверяй часы с эпохой до секунд!
Но к чёрту выключаю телевизор —
Мне «Новости» покоя не дают.
Боюсь добраться до искомой сути,
Страшусь событий,
Сам себе не рад:
А вдруг недокумекал что-то Путин,
А Думу разогнал электорат.
А вдруг, а вдруг...
Вдруг в партии «Единство»
Единства нет?!
И — потеряешь сон:
Пожары, ограбления, убийства,
Наркотики...
И — погребальный звон.
Куранты бьют...

* * *

Жизнь меняется не без последствий...
От полярных до южных широт
Мы оставим потомкам в наследство
Всё, чем нынче несчастлив народ.
И с годами, когда отстоится
Муть и горечь житейских невзгод,
Как деревья, в зеркальности вод,
Отразятся праправнукам лица
В тех деяниях, что натворили
Альтруисты страны, камарильи,
Расплотив нищету и господ...
Не взывайте, что я на защите
И бояр на Руси и Петра —
На эпохи Россия щедра.

* * *

Весна...
В полях курлыканье,
Степного ветра царствие...
Боюсь, что не привыкну я
К земле не государственной.
Ни чести, ни достоинства
У избранных правителей;
Без битв разбито воинство
Потомков победителей.
Диктуют рынки правила
Базарного рачительства.
Народное бесправие
Удобно для правительства.
Гребут страну с утрускою
В мощну от алчи ржавую...
Так где ты, совесть русская?
Так где ты, мощь державная?
Где клятва незабвенная —
Защитником России быть?!
Суд Высший за измену ей
Иудства не простит.
На разорённых пустошах
С мучительной историей —
Уже мужают юноши
И зреют их Виктории...

* * *

Что было, то было — расколу потрафили
И от Союза оставили шпик:
А в заново скроенной географии
Власть получили коррупция, мафия
Да элитарно-богемный шик.
А дальше — стихия
И к ней в нагрузку
Раздел-передел каждый день —
Воры, чиновники, «новые русские»
И теневые, и личности тусклые —
Кто от закона прячется в тень.
Не выдыхаются на хищении —
Миллионы гребут на прокорм;
А на прародине всепрощенья,
А на земле, что звалась священной —
На подворьях гуляет погром.
О ней вспоминают разве что дачники,
Где-то — от жиру, а где — от нужды;
И сокрушаются о неудачниках:
Обдуло деревни,
Ну, как с одуванчиков,
Плюс — засухи снизу,
А сверху — дожди.

* * *

В туманы ли, штормы ли —
Путь наш по компасу:
Курс — демократия, общность идей,
Альтернатива у каждого голоса...
А для экстаза — «Лолита без комплексов»
Да «Новости» — с тройкой шальных лошадей*.
Её до поры перестройки не трогали —
Гордость и славу древнейшей Руси;
Вдруг кони рванули в просторы убогие,
Куда — неизвестно...
Узнать бы у Гоголя...
Рванули-то как! —
Хоть Святых выноси.
Но наш коренник
И надежда всей нации,
Ради приличия терпит хлыст —
Изысканно-чуткой овации...
В пристяжке Госдума, Совет Федерации
И оппозиция держит дистанцию —
Из уваженья забыла про свист.
Шикует Москва!
В толкотне мерседесовой
С европрогрессом заводит флирт-торг:
Арбат и Тверская скуплены бесами,
Вплоть до рекламы с интим-интересами...
А кто без гроша —
Вот вам Бог, вон — порог...

* «С тройкой шальных лошадей» — телевизионная заставка программы «Новости» во время «перестройки». Русская тройка на экране символически постепенно теряла пристяжных и разрушалась, затем была убрана совсем.

* * *

Россия и тройка — символика ясности.
 Порой устаёт под дугой коренник,
 Но ход набирает, завидев опасности:
 Он знает дороги российской бескрайности —
 Мосты, повороты и где — напрямик.
 Не надо оваций!
 Эпоху раздразните,
 Как поезд, она полетит под откос;
 И вновь начинать нам
 Придётся всё с азбуки —
 Плакатные будни, парадные праздники,
 Округлые речи, а горе — без слёз.
 Уж вроде Мавроди* потеет на нарах —
 Хана для воря!
 Тут уместен «черёд»:
 Подспудно ждала их тюремная кара,
 И даже всех тех, кто залёг на Канарах,
 Страну разорив и ограбив народ.

* *Мавроди* — создатель финансовой «пирамиды». Не «хана воря»: был освобождён и снова создал «пирамиду».

* * *

Безумный век!
Сумбурный, из отрепья,
Гуляет ветер в головах людей:
Неясно, что посеял за столетье,
И что взойдёт из бросовых идей.
И вот взираем,
Стоя у развилки:
Налево, вправо двинуть ли,
Назад?
И кто-то чешет у себя в затылке,
Другой, стыдясь, почёсывает зад.
Могучие в труде,
На поле ратном,
Должны бы одолеть мы
Распрей зуд,
Но, к сожаленью,
Много геростратов*,
А у вождей — заботливых иуд.
Как нужен дождь шадящей благодати
Для поросли,
Что понесёт свой крест...
Так возлюби же чад своих,
Создатель,
Они вернут России ум и честь.

* *Герострат* — житель греческого города Эфеса (ныне территория Турции), который сжёг знаменитый храм Артемиды в своём родном городе летом 356 года до н. э. Герострат сознался во время пытки, что поджёг храм для того, чтобы его имя помнили потомки. Эфесцы приговорили его к казни и постановили никогда не упоминать его имя. Однако древнегреческий историк Феопомп, рассказавший о преступлении Герострата, сохранил это имя для потомков.

* * *

Нет настоящему возврата.
 Глядим в грядущее без рвенья.
 Скорбим недолго об утратах
 И, не прислушиваясь к датам,
 Спешим забыться в наслажденьях.
 Мол, время лечит.
 Бесновато
 Клянём врагов и невезенье....
 Но дни и годы —
 Наша плата
 Судьбе, безвинно виноватой,
 Ведущей нас путем прозренья.
 И пересохнет, как от жажды,
 Однажды горло
 Спазмой схвачено.
 Когда поймём,
 Что наша жадность
 На повеление и праздность
 В скрижалях жизни
 Не означена.

* * *

Изменю расчетливых научен,
Своих владений раб и Митридат*
От отравленья принимаю яд
Отечественный.
Так, на всякий случай.
Мои владенья не окинуть мыслью,
В них не ищу я от добра добра.
Но как тошнит.
Когда из-за «бугра».
Как дождь кислотный,
Безнадежно кислый
Заносит ветер тучи обалденья —
Эрзаца чувств, нюансики учтя...
Я посылаю их ко всем чертям
И даже дальше,
Чтя свои владенья.
Мне не грозит предательство Фарнака**
И не прельщает развращенный Рим.
Моя страна
И то, что в ней творим, —
Вот боль моя, наследники варнаков.
В себе неповторимых разувераясь,
Отвергнув прошлое и будущность круша,
Не слышите, что требует душа,
Сжигает ржа наживы вас и ересь.
А дальше что?!
Пора бы, как собратьям,
Не поносить Россию —
Возносить!
Так просветите сердце благодатью
Деяньями подвижников Руси.

* *Митридат 6* (132–63 годы до н. э.) — царь Понта, дважды разгромивший скифов и покоривший Боспорское царство. Опасаясь отравления, приучал организм к ядам, принимая их в малых дозах.

** *Фарнак* — сын Митридата 6. Знал, что отец готовил поход на Рим, заключил договор с его противниками, поднял восстание. Митридат принял яд, который на него не действовал. И тогда по просьбе самого царя один из воинов вонзил в него меч.

* * *

Снова удивленье, неожиданность —
Первый снег как первый сладкий грех,
И открылась вдруг такая видимость —
Аж до горизонта плещет смех
Радости,
Что мерзости свинцовые
Наконец-то скованные льдом;
И поля, и деревья, как новые,
И под новой крышей каждый дом.
Так давайте помолчим.
Без пошлости
Чистота вокруг и высота,
Не заденьте ёлку по оплошности —
Нынче ей нехстати нагота.
Ты прекрасен, первый снег!
Рачительно
Потрудился, укрывая грязь.
Родина, как для тебя спасительны
Смены года, неземная власть!

КЕНОТАФ

Неясный зов ближайшего родства
Витает надо мною одиноко:
Так шелестит заречная листва,
Так шепчется озёрная осока.
Без слов тот зов,
Но помню наизусть
Все звуки и трагические ноты:
В нём о земле,
Но неземная грусть —
Постигнувшая звёздные высоты.
И вот вчера я понял, наконец,
У костерка
Всю ночь прокоротавши,
То окликает, просит мой отец,
Чтоб помянул
Всех без вести пропавших.
Не счесть их,
Как вселенский звездопад,
Мелькнувших для кого-то
И угасших,
Без времени
И без координат —
Официально —
«Без вести пропавших».
Казалось бы, что так не может быть:
Среди людей —
И в неизвестность кануть?
Ведь тот, кто посылал их — победить —
Он знал врага, и мощь его, и планы...
Он знал: без жертв — не выиграть войну,
А гибли — в небе, в море, и в окопах...
И чтоб от плена оградить страну,
В котором изнывала вся Европа;

Он, дабы путь отрезать насовсем,
 Во имя всенародного спасенья,
 Приказом номер двести тридцать семь —
 Приговорил к расстрелу «отступленье».
 Приказ суров, отчаянно жесток...
 Жива легенда —
 Был солдатский рапорт:
 «Мы победим!
 Пусть смерть нас валит с ног —
 Умрем со славой,
 И лицом — на запад!»
 В нём — вера, ярость, и обиды боль,
 И юмор — тоже жесткий, грубоватый,
 За выпавшую горькую юдоль:
 Солдат, познавший гибель и утраты,
 Немыслимые жертвы и разор
 России
 До развалин сталинградских...
 И миллионы павших,
 И — позор! —
 Лежат не все из них в могилах братских;
 Остались там,
 Где смерть настигла их...
 В том не виню товарищей твоих
 В огне, в дыму,
 Среди взрывов отступавших...
 И у костра налил я на двоих —
 За всех живых
 И смертью храбрых павших.
 Прости, отец,
 Быть может, я не прав,
 Хоть по годам давно уж вдвое старше...
 Пусть этот стих, как вечный кенотаф,
 Покоит всех Вас —
 Без вести пропавших.

БЕЗЫМЯННЫЙ

Через тысячу лет или больше.
Археолог тех дальних времён
Обнаружит в суглинистой толще
Прах бойца, что войной погребён
В одиночном, овальном окопе,
Вдалеке от блестящих столиц.
На земле обобщённой Европы
Без таможен и бывших границ.
Он взволнованно снимет панаму
И утрет рукавом пот с лица,
И поймёт по железному хламу —
Смерть внезапно настигла бойца:
Не успел расстрелять все патроны.
Ржавый ком на костях из гранат...
Рядом — взрыв —
Завершил похороны...
Клад! Истории канувший клад...
Чернотой будет череп лучится.
Ржа махрово цвести, как осот...
Осторожно он кости очистит,
В камералку фрагменты снесёт.
Восстановит лицо, но не личность.
СМИ с печалью размножит портрет;
Вся Европа признает публично
В нём героя злопамятных лет.
В бронзе лик молодого солдата
Отольют, чтя веков старину,
А на цоколе — шрифт витьеватый:
«Наконец, я закончил войну!».
И чуть ниже — червленая дата...

* * *

Есть мнение!
Не надо спорить с теми,
Когда отредактирован, как столб,
Приверженец прямолинейной темы
Гордится тем —
Щади его апломб.
Не виноват же ворон, что он чёрен,
Лощёный блеск его — слепых ночей собрат,
Чернее лишь Малевича квадрат,
Но символ черноты в природе — ворон.
И на вопрос: ты с этими иль с теми?
Я только отмахнусь в ответ рукой —
Не потому, что нужен мне покой,
Пусть будет много очень разных мнений,
Но в каждой искра божия видна:
Россия — истина,
И истинно одна.

ДВЕ БАЛЛАДЫ

1. ЧЕРНОВСКИЕ СЯБРА

у нас в районе,
в тайном углу,
словно укритысь
от правых драбров,
вои шире кругами
равнесят мелу?
светлые
Черновские сябра.
Уже не секрет,
и для многих известно:
в одном из сябр там
"жыва веда",
на вкус жестковата,
и ще цитавоне:
зверь, замечали,
заходят туда.
Леси и ксан
ведными ваннаит
в них лежат следы
от рышков и ежегов,
приходят медведи
се старити ранаит,
кетерне спатъ
не дайт им в берзгах.
Ночаит поплещутся,
малесть поплавайт,
и, как ружев,
сняде все болезнит,
а рыбаки -
те уж вняйт за правито:
чиряй, паралича -

*Н. Тельпухов.
с. Попельное*

"ПУТЬ ИЛЬИЧА"

Автор _____ Инициалы, фамилия
Количество строк _____ серия *Второй*
Шрифт _____ размер _____ Цепля _____

~~Второй~~

Опять
сновиденьем кмученный
глазер
в протуб окна,
где же ты,
самая лучшая,
а?
Вот размахнусь
и трагичу
подушкой
в оконный ледок-
сонине оумерки
ахнут ю д топалье
босых ног,
и ты
проснешься, бить может,
хрупкая,
так сновиденье,
мрамором белой кожи
заворожив движенье
луноного лучика.
Уезный
пальцы
о руки твоей ударившись,
о пальци-
полные музники
белые, словно кажение, клавиши,

*счастлив
Второй
на
Второй*

Дорогой мой Коня Иванович!

Извини, пожалуйста, что задержался с ответом; второе строю балет на своей дачной земле. У всех дачных соседей есть баня, и приглашают помыться, но я брезгую купаться баней — это все равно с моей маленькой колхозницы, что похосит качество время твоего календарного бене. Выходишь раз съезди в город по этому водно-мыльному делу. Надпись!

10 февраля 2009 года, если дождливо, дождливо, буду отмечать (как-нибудь) 70 летие. Сойволю к этому событию юбилейную книжку. Надпись она будет «Красота Отечества». Головному делу на её издании уже начал. Набрал половину рукописи. Осталось дописать одну часть — никогда! Кто болел вой, кто песни пой... И сёрвайка движется медленно, и книжка не движется вперед...

Вот такие у меня пироги с сойдками...

А теперь о твоих подвехах. Повесть «Золотые пески» на мой сорокалетний опыт работы в литературе, не состоялась. К сожалению, конечно...

«Пустотник». Почему пустотник, а не оптимистик? Но логичнее всего от каталогической абстракции отшельничества! Пустотник — от пустоты, от пустого места. А тайна места опустошенное здание, пещера и вездесущий там разномыслие жукарашиками. Да и сам по себе не — не пустое место!

Но удачно, на мой взгляд, оказался перенос большого куска повести из начала в конец. Этот кусок закручивает все эмоциональные нити читателя и вводит его в логико-художественное закручение. Здесь нужна другая концовка — исповедально-одробрительная, если можно так выразиться. И самое интересное — твоего героя вывести тобой поверхностью и малоубедительным. Ну не придумай — сберечь, — вокруг которого должно вращаться все...

вырде сонца.

В оптимальне септ основа - фундаменти, на който рон доцелно бате построено все зданно поумет. Отне-сезе построене к зданку. Много у теб стов-технически, которые неслучайно "протешивает" в худраесе, вемлеи произварени. И еще: мирового "виеи" в подне, которе легко удиратоев. Например: "Томитвией до керенного про-щашей..." - "зиедучий", "Толдучий" и "и".

А вообще то хителое до побидатоев - посежат, полого-риит, повеломитат, о чим-то поласат, чим-то пародоватоев... Д катоев мило-ої сиев до сиев - миву на да-че. Миву по Мадковескому - "землю поветам, попинен стики..." Тексидя малексад, неиддочинад. Осеню продаю на ринке даро природы - дюдот, оржидо, свизи, чтооо сиев поветам "протешочкой семимилуи".

Такое понятие никогда не знала Россия. Это суровое иго нам навязало его - провоцирующей еще одну гражданскую войну, зачатки которой уже кое-где проявляются. Ну, да ладно об этом... Об этом надо говорить, а говорить об этом народ, видимо, побуждается.

Встретитесь до...

Посмотрите внимательно мои пометки. Можете, что-то полезное в них тебе покажется, и пригодится.

Обнимаю!

Будте здоровее и будчовенно счастливы!

Сердечно твой

Вл. Балецкий

8 сентября 2008г.

Бердичевки

Баллады

БАЛЛАДА О ЖЕСТОКОСТИ

За цепью озер,
Где камыш и осока,
Ночами огни голубые горят:
Коварные топи
Недремлющим оком
Неверные тропы сторожко хранят.
Там с клеткотом ястребы
Смело и дерзко
Таранят, сшибая,
Утиные клинья;
Их взгляд — полон блеска —
Хранит неизвестность:
И вольность степную,
И эпос былинный.
О да!
Их повадки,
Их клюв ятаганом,
Их клеткот гортанный —
Ровесники кличу
Того, кто велел
Схоронить под курганом
В краях недоступных
Себя и добычу.
Он в эти болота,
Предчувствуя гибель,
Минуя дороги и редкие веси,
Телами плененных
Вымостив зыби,
Ушел, не оставив,
Ни сына, ни песни.
Курились туманом
Болотные недра,
Да окрики властно

Над немощью плыли.
Из самого крепкого
Белого кедра
Рабы многорядный
Настил настелили.
Широкий, просторный,
А в центре — гробница,
Увитая медью, узорною сеткой,
И вход, будто прорезь
Последней бойницы,
Закрыли ловушкой,
Похожей на клетку.
Шаманы из ближних и дальних улусов
В последнем камлании бубны разбили...
Все лето по гати,
Съедаемы гнусом,
Невольники землю на шкурах носили.
С деревьями вровень
Плавучим курганом
Могила возвысилась,
Тайну храня,
В ней слуги и жены
Оставлены с ханом,
В бухарских попонах
Два верных коня.
Курган осадило в трясиину,
И мохом
Там все поросло,
Пропиталось туманом,
И только болото,
Оттаяв,
Со вздохом
Глокает могилу
Жестокого хана.

БАЛЛАДА О ПРАВДЕ

Приснилось мне:
В глуби веков,
На древней киевской дороге
Поет гуслиар под стук подков,
Соединяя грешных с Богом.
Протяжен голос.
Все о том —
Дружина сгинет в жаркой битве
И, осенив себя крестом,
Слагает в честь ее молитвы,
И даже кони не храпят,
В шеломах побледнели лица...
Гуслиар — слепой,
Но духом свят,
Владеет даром ясновидца.
А князь разгневанный к нему
Спешит размашистою рысью:
— Нам твоя правда ни к чему!
И воздух меч рассек со свистом.
И покатилась голова
В избитый пыльный подорожник,
Шепча последние слова:
— О, правды смерть не уничтожит...
Прекрасно знал слепой ведун,
Что от меча умрет до срока.
С судьбой и совестью в ладу
Он жил
И будет жить пророком...
К разгадке близок я теперь.
И знаю,
Сон — не без причины:
Никто не вспомнит, что я пел
В последний час перед кончиной.

БАЛЛАДА О СКИФСКОМ ПОЭТЕ

О, Скифия! Прародина славян,
Как чуден взгляд твоих звериных ликов!
У ног твоих народы многих стран
Склонялись ниц, слышав твои рыки
И твой галоп сквозь утренний туман.
Сам Геродот* пустил по миру весть —
Миф о твоих богатствах и пространствах;
И до сих пор, как роковая месть,
Кипит в крови огонь лихого братства,
Твоя охота к перемене мест.
И до сих пор — в стремнине древних лет
Неведомых страшилищ и узоров,
В фантазии немислимый расцвет
Мне мнится, как любитесь простором
Безвестный гениальнейший поэт.
Лохматый, полудикий, кочевой,
Он был своих сородичей не краше,
Но выделялся буйной головой,
Да тем, кто был как ветер безбашен,
И клич его — был долгий волчий вой.
Степь затыкала в уши облака,
Когда взывал он, эхом обрастая,
И табунов мохнатая река
Сбивалась в круг, слышав,
Волчья стая! —
И пастухи хватались за чекан.
Табунщики роптали.
Голоса

* Геродота принято называть «отцом истории», и этот титул он носит вполне заслуженно, поскольку именно его сочинение заложило основы традиций исторического описания и исторического романа. Его «История» — одновременно первый памятник европейской исторической мысли и великолепный образец художественной прозы.

Перекрывали властные старухи,
Твердя, что он
Ещё не знает сам —
В него вселились песнопенья духи,
Ему слова подарят небеса.
Прошли года.
Впитавший в свой язык,
И зов зверья, и клики поднебесья,
Он был, как прежде, и суров и дик,
Но волчья песнь
Переродилась в песню
О том, как мир прекрасен и велик.
Когда ж он понял: смерть недалека,
А душу не отпустит вдохновенье —
Раздал кинжалы, лук, коня, аркан...
Степь приняла его уединенье,
Блаженное служенье старика.
Вдыхали травы сладость естества,
Цветы дарили мёд, благоуханье;
И толкователь воли божества
Слагал стихи о вечности, призваньи,
О таинстве земного торжества.

БАЛЛАДА О НЕИЗБЕЖНОМ

Птиц весенний привет
Не услышу, наверное,
А с любовью ждала
Их зелёной порой.
Мне полтысячи лет,
Я — усталое дерево.
Загустела смола
У меня под корой.
Сердцевину мою
Древооточцы повыели
И уж корни дробят
В благодатной земле.
Ни о чём не молю —
Лишь о скорой гибели,
Пусть скорее летят
Ветры — бури ко мне.
Упаду я во мрак
И вздохну с облегчением,
И рассыпется в прах
Наболевшая боль...
Пусть поймут это так,
Что своё обречение
Приняла не за страх.
Как земную юдоль.

БАЛЛАДА О СЛОВЕ

В начале было Слово

Я — не Гамлет
И не лжепророк.
Бородой обрамлён домовитой.
Сухощав, как древлянский божок,
Выхожу на последний виток
Самой высшей при жизни
Орбиты.
Тем и счастлив.
Отсюда порознь,
Сквозь века —
От Кремля и до Трои,
Ни шипов я не вижу, ни роз —
Всё в плевелах.
Но вижу насквозь,
Кто и как этот мир не достроил.
Пульс не ровен,
Но опыт ума
И объёмное чувство пространства
Говорят мне,
Природа сама
Не выносит скоплений дерьма
И статического Постоянства.
И Слово было у Бога.
Мир прогрессом движем.
И для нас
Путь один —
Очищеньем и верой.

Чтобы светоч души не угас,
Измеряй каждый прожитый час
Не земной,
А космической мерой.
И прозренья тебя озарит:
Неизбежное —
Все мы тленны.
Не спасёт и гранит пирамид.
Но душа,
Если Бога хранит,
Отчий дом свой найдёт во Вселенной.
Знай Шекспир бы о том —
И что ж?
Разве б Гамлет страдал
До истерий?
Ноосфера* гниёт там, где ложь
Возглавляет державную мощь
На кладбищенских свалках империй.
И Слово было Бог.
Мироздание в звездах дрожа,
Слава Богу, теперь уж не ново,
Начиналось, Законы зажав,
Сверхгалактик и космодержав,
Как в кулак, —
В изначальное Слово.
И когда прозвучало Оно —
Карусель закружилась
Вечности:
Беспредельность — вверху.

* *Ноосфера* — сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера»).

Николай Тельпухов

Беспредельность — внизу,
Беспредельность равна
Бесконечности.
Знал ли Гамлет ответ:
Быть, не быть?
Суть не в том.
Если Слово созрело, —
Изречённую мысль не убить!
Слово свыше дано —
Разбудить
Обречённое косное тело.

БАЛЛАДА О СЛАВЕ

Царевич, красавец и воин Кучум —
Надежда цветущего ханства —
Был призван Аллахом в служенье мечу
Из всех шейбанидов бухарских.
Всевышние сферы даруют немногим
С младенческих лет выбирать путь-дороги.
Он мог бы умножить таланты свои,
Наметив гуманные цели:
Не чужды Хафиз¹, Алишер Навои²,
Их страсти в любовных газелях,
Но сломан калам³
И диван⁴ в угол брошен,
А чанг⁵ обменял на арабскую лошадь.
Ступени Кааба⁶ доступны ему,
Духовный завет Мухаммеда,
Но кровь чингизидов, отточенный ум
Взывали упиться победой,
И властью несметной, и славой пророков —
Великой, бессмертной, достойной Востока.
От Камы до завязи Пегой Орды⁷
Нет силы над рознью улусов,

¹ *Хафиз Ширази* — персидский поэт и суфийский шейх.

² *Алишер Навои* — тюркский поэт, суфий, государственный деятель

³ *Калам* — в средневековой мусульманской литературе: всякое рассуждение на религиозно-философскую тему.

⁴ *Диван* — В восточных литературах — сборник лирических произведений, принадлежащих одному поэту.

⁵ *Чанг* — персидский струнный музыкальный инструмент, похожий на арфу.

⁶ *Кааба* — мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам (Заповедная Мечеть) в Мекке.

⁷ *Пегая Орда* — русское название объединения селькупов, существовавшего в конце XVI — начале XVII веков на территории Нарымского края. В русских источниках и дореволюционной историографии, а так же в быту население Пегой Орды именовалось обскими осятками, в современной историографии — селькупами.

Кипчакские беки⁹ зовут оградить
От голи ушкуйных¹⁰ урусов.
И в знак одобренья походам Кучума —
Из жаркой пустыни примчались самумы¹¹.
Конечно, пора!
До полуночных стран
Пойдём на неверных с намазом;
И тайши¹², и мурзы¹³ спешат на байрам —
Зовут во дворец тулумбасы¹⁴.
По кругу Кучума плывёт пиала —
Он речь свою кончил под крик «бисмилла» —
Свершилось!
Батыров смирил ятаган,
Покончил и Тайбугов¹⁵ в чуме;
И манси, и ханты несут на майдан
Меха и покорность Кучуму.
И там, где витали шайтан и шаман.
Единою верой объял всех Кюран.
Но деспот не вечен.
Над тленом имён
Покатится вольности смена,
Для «чёрного люда», вассальных племён
Погаснет и Солнце Вселенной...
Вдруг — козырь судьбы!
И в тени Ермака
Имя Кучума взошло на века.

⁹ *Бек* — дворянский титул у некоторых народов Ближнего Востока и Средней Азии, категория привилегированного населения.

¹⁰ *Ушкуйник* — вольный человек, входивший в вооружённую дружину.

¹¹ *Самумы* — сухие, горячие, сильные местные ветры пустынь, налетающие шквалами и сопровождающиеся пыле-песчаными вихрями и бурей;

¹² *Тайши* — у монгольских народов вождь, старейшина более или менее обширной родовой группы.

¹³ *Мурза* — аристократический титул в тюркских государствах.

¹⁴ *Тулумбас* — ударный музыкальный инструмент.

¹⁵ *Тайбуга* — легендарный основатель династии сибирских ханов, прекратившейся в 1563 году.

ПОЭМЫ

СРЕДИ ЖИВЫХ

Поэма

Ветеранам войны и труда

I

Жил мальчик Леша,
Вырос в Алексея.
Ни статью не обижен, ни умом,
Со школьных лет любил пахать и сеять,
С младых ногтей — заправский агроном.
Рос хлебороб.
Но мир жестоко ранен —
Война!.. Фашизм!..
Так будь крепка рука!
И поле с житом
Стало полем брани,
Где «от Москвы
До самых до окраин» —
Все было на прицеле у врага.

Тревожат память имена и даты,
Глаза прикроешь — боя круговерть
Встает, как явь.
Он ротным был, комбатом,
Он первым поднимал людей на смерть
И те — вперед!
Иные — без возврата...
Жив или мертв — на то ты и солдат...
Как вариант — карболка медсанбата,
И уцелел, а вроде бы не рад...
Еще за год до мая, до Берлина,

Едва Гуценко выкрикнул: «За мной!»,
Внезапно рядом саданула мина,
Списав его в бессрочную — домой.
А вот и дом.
Весь от крыльца до крыши.
До бревнышка, до гвоздика знаком
Стоит Гуценко,
Дышит — и не дышит:
И дом, и двор
Под снежным целиком.
И дверь, и ставни — настезь.
Виновато
Шагнул к окну —
Безмолвие за ним...
И изменило мужество солдату,
Припал щекой
К наличникам резным.

Еще недавно мать ему писала,
Он помнил, как слова бросали в дрожь:
«В деревне нашей хлебушка не стало —
Одна картоха...
Дюжат бабы все ж.
На трудодни, что выдали.
Сложились,
И все на фронт —
Там мужикам трудней...
С отцом, Алешка,
Знать, беда случилась —
Нет писем от него уж сорок дней...»
Не дождалась...
Не знал он, безутешен,
Что за спиной стоял родной колхоз —

В обносках,
Исхудавший,
Задубевший
От горькой соли пота
И от слез.

II

Тот день настал
И светел, и печален.
Многоголос от музыки и слов.
Ах, День Победы!
Как в сердца стучали
О пройденном неброские медали,
Созвездия лучистых орденов!

Татьяна Гринь.
Кто знал ее такую?
Глаза — в слезах, глядит на всех молчком.
То вдруг — на круг с ликующей толпою.
Рассыплет дробь
Под сбитым каблуком,
Вот так порой
Под музыку простую
Зальется воем песенным щенок:
Он не поет —
Он плачет,
Протестует,
Он гонит звуки
И о них тоскует,
Весь — жалость,
Изнемогший от тревог,
От ласки их...

Так пой, ликуй, Татьяна!
Тебе за многих надо отплясать.
Любить, рожать...
И верить неустанно,
Что, может, живы и отец, и мать.
Пусть плещут руки звонко и победно,
И песнь твоя, как лебединый зов.
Поднимется над глухотою медной
Торжественно рокочущих басов.
Верь!
Жди и верь —
Придет и самый близкий,
А ты навстречу руки — два крыла,
Как в доброй сказке...
Черт возьми, без риска —
Вот разве с Никой бы
Самофракийской
Сравнить тебя.
Но древность тяжела.

Партнер был строен.
Из-под легкой кепки —
Упрямый взгляд чалдонских серых глаз.
Так Гринь впервые встретила Гуценко
На подгулявшей площади райцентра.
Где в пятый раз
Кружил «Амурский вальс».

Горазды на деревне посудачить,
Тут глаз остер на местных женихов:
Пригож, умен, степенен ли, горяч ли,
Какими будут дети,
И в придачу —
Где, с кем гулял до третьих петухов;

И кто невеста,
Из какого теста —
Душевна ли, хозяйственна ль, мила —
Все обмозгуют,
И на всю окрестность
Пойдет кругами цепкая молва —
Быть свадьбе иль не быть.
Но исключенье
На этот раз случилось неспроста:
«Ой, бабы! Тут любовь, не увлеченье.
Он — сирота, Татьяна — сирота.
Ей счастья бы немного, горемычной
Но где его отыщешь нынче?
Ша!..»
Со всею сердобольностью обычно
Жалеть умеет русская душа.

III

Над первопутком хлесткий ветер шастал,
В мочажниках роилось воронье.
Трусил в оглоблях коренник мышастый,
А пристяжной, как уголь, вороной.
Рискованно кренилась на раскатах,
(Так, что Сивко вытягивал едва),
На свадьбах отгулявшая когда-то,
Но все еще изысканно богата —
Резная и шальная кошева.
Эй, милые! Части-стучи копытом,
А лучше без дороги, по прямой...
Гуценко, торопись! Вовсю, открыто
Витают тень войны, как недобиток,
Над той, кого назвал своей женой.
Недуг свалил Татьяну.

Много ль нужно
Тому, кто под бомбежкой трижды глож,
В завале не раздавлен, но контужен,
Почти в сосульку замерзал от стужи
И умирал за каждый полувздох.
Так торопись,
Быть может, ваша встреча —
Еще не поздно — ответит беду.

Беда пришла в октябрьский стылый вечер.
Когда земля с зимою не в ладу.
Татьяна, что с ней?
Вот калитка, сенцы —
Рукой подать...
Вдруг слабость и озноб.
Очнулась в доме.
Ныла боль под сердцем.
Пылал под мокрым полотенцем лоб...
Опять ее трясло, как в эшелоне...
Рука врача прохладна и влажна...
Над ней — Гуценко,
Кроток и взволнован.
Откуда он?
И говорит влюблено:
— Крепись, Татьяна,
Ты мне так нужна...

Она крепилась, год, второй и третий,
За каждый день цеплялась, как могла,
И прежде, чем бесшумно умереть ей,
Сынишку Алексею родила.
И расцвела, надеждою согрета,
Глаза нежны, задумчиво темны,
Так осень расцветает в бабье лето,

Но дни ее цветенья сочтены.
Взыграет непогода, смоем краски...
(Да, только зря об этом наперед).
Все было до поры —
Любовь и ласки,
Медовый месяц,
Безмятежный год
С прожекторами,
С надеждами на счастье,
С полунаивной верой в благодать.
То рушилось порой все в одночасье,
То вновь — любовь,
Навеки не разнять.
Как узелки для памяти,
В тетрадке
Татьяна тайно записи вела:
«Его люблю всем сердцем.
Без оглядки,
А у него — извечные дела,
Не до меня.
Придет — на лбу морщины,
Он устает,
И я с ним устаю»...
В словах печаль,
Как в песне о «лучине»,
Когда ее под сумерки поют.

Гуценко, оглянись, пока не поздно.
Ведь не бывает дыма без огня.
Да прокати жену под вечер звездный
И не жалея ни сердца, ни коня.
Остановись на журавлиной грани
Доверия,
Чтоб птицы вдалеке
Для вас бы вытанцовывали рьяно

Обнявшихся на стареньком ходке.
Засветит месяц золотист и тонок,
И вздрогнешь ты.
Поняв сквозь забытье.
Что под рукой толкнулся твой ребенок,
Грядущее и прошлое твое.

IV

Весна в Сибири — пир тепла и света —
Бывает ранней, дружной,
И порой
Жжет на пригорках, как на юге летом,
А холод притаился под горой.
Ты семя в землю — вдруг запорошило,
То мокрый снег, то зябкие дожди.
Сорняк пророс.
Куда ни глянь, как шилья,
А всходов нет и скоро их не жди.
Когда ж они проклюнут —
Квело, робко —
Ни силы в них, ни роста —
Маяга.
За сев такой хорошую бы трепку,
Но, к сожаленью, линия не та.
Его торопят — обойдут соседи!
Его страшат — телефон оглох.
А там уполномоченный уж едет —
Всезнающий, всевидящий, как бог.
И — делу ход:
То выговор, то горше —
Расфельетонят в прессе под орех.
Он на своем:
Что, сеять по пороше?
Нет, не возьму на душу этот грех!

Посланника из центра принимая,
На этот раз смутился он слегка:
Она явилась в середине мая,
Представилась инструктором РК,
На посевную прибыла.
Надолго.
И больше ни полслова.
Вот ведь как:
Учла его строптивость, чувство долга,
А он в штыки хотел ее, дурак.
В ответ Гуценко с видом недовольным,
Мол, очень рад, и стул подвинул ей,
А где-то в глубине души невольно
Сравнил ее с Татьяной
Первых дней
Знакомства их:
Такая ж окрыленность,
И женственность, и радость бытия...

«Ах, Таня, Таня,
Лишь одно бесспорно —
В тебя вселилась ранняя покорность,
Виной — болезнь.
А, может быть, и я...»

Зеленой дымкой опушились колки,
Рассвет вставал в купели росяной.
Почти неделю не слезал с двуколки,
Мотался Алексей на посевной.
И ночевал, и ел, и пил на станах,
Через людей справлялся о жене,
И ныли раны, и брала усталость.
Как будто снова был он на войне.
Здесь не витала смерть,
Но каждый мускул

Был ожиданьем напряжен,
Пока
Последний круг не кончен
И по-русски
С «ура» не бросят шапки в облака.
Он почернел.
Да что там, были б кости...
И удивлялся, сам себе не рад:
Искал везде случайной встречи с «гостьей»,
Ловил ее настороженный взгляд.
Железа крепче слыл,
А тут без спроса
Дурило ретивое:
То во сне
Он о любви ее напрасно просит,
Боясь на час, на миг расстаться с ней.
То конь их мчит вдоль речки, над водою,
На зеленя
И бьет копытом рожь...
Его будили:
— Слушай, что с тобою,
Не жинку, а Наталку ты зовешь?
Пошла молва, что видели их вместе.
Что председатель, мол, того, погряз...
И канула Наталья в неизвестность,
И песня грусти где-то родилась.
И потрясенный —
Не здоров, не болен,
Без слез Гуценко хоронил жену.
Он понял,
Правда, очень поздно понял
Свою непреходящую вину.
Ни дорогим подарком к именинам,
Ни фронтовым ремнем —
Все нипочем! —

Гуценко к дому не привадил сына,
Сыновье из-под рук ушло плечо —
Опора и последняя надежда.
Единственная близкая душа.
И сдал Гуценко.
Уж не мог, как прежде,
Ни есть, ни пить, ни думать, ни дышать.
Себя корил,
Не зная то, что случай,
Ускорил ход событий:
Среди книг
Попался сыну на глаза дневник,
Которому б не попадаться лучше.
И слезы материнские,
И ревность
Хватили его по сердцу, как нож...
И сын ушел из дома и деревни,
Без объяснений, под осенний дождь.
Другой пейзаж — стекло, бетон и трубы —
Полюбит он, не ведая о том,
Что срок придет и затоскуют губы
О веточке сирени под окном,
Что вспоминать начнет не без печали
О черном поле, блеске лемехов,
О ветхом, но уютном сеновале
С коптилкой над томиком стихов,
О журавлях, плывущих над болотцем,
О радуге над дремлющим прудом...
И вдруг устанет сам с собой бороться
И явится с повинной в отчий дом.
Земля в рассветный час всегда тревожит
Неясным ощущением родства
Дорог людских и крохотных дорожек,
Что прячут воды, травы и листва.
Весь мир — успокоенье, вдохновенье,

И понимаешь, что природа-мать
В согласии с планетой, со Вселенной,
И хорошо в такое время ждать.
Гуценко ждал преемника,
С пеленок
Он знал его.
Да как иначе? Сын!
Но сын не знал, что гибельный осколок
Отец пол сердцем тридцать лет носил.
Не знал, что, пропадая днями в поле,
Он лишний раз не мог пройти пешком,
Что уж давно тянул на валидоле
И тайном самолюбии мужском.
А как был рад, что к деревенской прозе
Сумел его из города вернуть.
Давно мечтал: остался б сын в колхозе.
Продолжил бы его, отцовский, путь.

В тот час в знакомых стенах кабинета
Седеющий, сутулящийся, строг
Шагал Гуценко.
Плыл озноб рассвета.
Кряхтя, колхозный сторож влез в куток,
И в палисадник сыпанули густо
Шумливые скворчата с вышины.
Открыл окно, посетовал без грусти,
Что в жизни очень мало тишины.
Припомнились
Пора бродящих ливней
И обновление после бурных гроз...
О, кто не любит их разгул былинный.
Их ярость над смирением берез!
Где травы — ниц, и конь дрожит мухортый.
Готовый приудариться в бега...
Прими, душа, еще одну заботу

О тучных непричесанных стогах.
Там днями жар от бронзы полуголых
Горячих тел.
Таких бы брать в бетон:
Стоит крестьянин,
Распахнувши полы,
И ветром переполнен капюшон.
На скулах — годы,
Рот очерчен жестко,
В нем голос сжат —
Суров и громовит,
И твердый шаг навстречу перекрестку —
Туда, где поле на ветрах шумит.
За ним село в березовом убранстве,
Стоят хлеба, созревшие к косьбе...

— О чем, отец, задумался?
— Сын?! Здравствуй.
О хлебе... О работе... О тебе...
И — надломился, как на поле боя,
Искал опору — шторы, стулья, стол...
А сердце,
Сердце надрывалось болью,
Рассыпался ненужный валидол.

Орали петухи на птицеферме,
Проселком пропылили «Жигули»,
А под-над лесом, на овсы, наверно,
Кормиться потянули журавли.
Дул ветер легкий, звезды гасли в небе,
И знали люди: нет путей иных,
Вся жизнь — родство труда, борьбы и хлеба,
И радостей, и горестей земных.

ОТШЕЛЬНИК

Поэма

1

Вдруг увлекло —
И я был молодым —
Туда, где рос,
Где праздник кто-то сглазил,
Где в юности рассеялся, как дым,
Сумбур моих несбыточных фантазий.
Отнюдь не о столичной суете
В мечтах витал,
Хоть был о ней слышан...
Увы! В послевоенной нищете
Иные дали начертал Всевышний.
Там деревеньки в хвойных берегах
С неистребимым запахом живицы;
И часто в поршнях, в броднях-сапогах
Бродил я в чаще: чем бы поживится?
Шаги беззвучны, вкрадчиво легки,
По мшистой шубе,
Словно шёпот — шорох...
А нервы, как взведённые курки...
Пугливый треск
Взрывается, как порох, —
Взлетел глухарь.
На клюквенном ковре
За кустиками сизой голубицы —
Перо с пушком,
На утренней заре
Оно пылает,

Как перо жар-птицы.
На взгорье,
Среди «ведьминых кругов»,
Здрав хвосты, бурундуки и белки
Жируют в царстве ягод и грибов,
Устроив, словно люди, посиделки.
Шустрят, играючи,
Средь рыжиковых шляп,
В сквозных лучах всплывающего солнца,
Хрумхрумкают, зажав еду меж лап,
На них взирают вековые сосны,
Хранят покой —
Уют для ветерка.
Он мирно дремлет
В сумрачных вершинах...
А даль небес рассветных глубока,
И перистые в небе облака,
Как на челе задумчивом морщины.

2

Прости, читатель!
Ненароком я
Скадрировал видения былого.
Легко и просто быть пророком дня,
Трудней из памяти
Добыть хотя бы слово
Учителей,
Ровесников-друзей,
Что грело сердце,
Стало в жизни вехой;
Душа моя, теперь ты, как музей,
Где экспонаты — голосов их эхо,
Как гул машин неясный за стеклом,
В бессонницу.

Не слышать бы их лучше...
Так, приключений жаждою влеком,
Я брёл тайгой —
Всё дальше, глубже, глуше,
Постигнувший звериную изнанку:
Весь — зрение и обострённый нюх —
И боевой поддерживала дух
Защитница, кормилица-берданка.
Себя я тешил: сотни лет назад
Вот так же шли
В Сибирь первопроходцы
Сквозь комариный зуд,
И дождь, и снегопад,
Сквозь глухомань —
Встречь подвигу и солнцу.
Оно взошло и, опалив зенит,
Разголубило небо чистотою:
Казалось, в кронах
Каждый луч звенит,
А сосны дышат голубым настоем.
И никогда уж тучи или хмарь
Его не застыт — рай под высотой!
А впереди — просвет,
Я вышел — гарь
Почти сливалась с небом
Пустотою.
В оправе леса,
Как морской залив
С водой зелёной,
Возлежал малинник.
Он не плескал —
Пустынен, молчалив —
И всю округу насыщал уныньем
Да запахом печальней, чем елей.
Кой-где торчали стрелки иван-чая;

Как мачты затонувших кораблей,
Чернели сучья, смерть обозначая.
Деревья с привередливой судьбой,
Стоявшие непокорённой ратью,
Сгорели заживо,
Чтоб на золе крутой
Вскипел подлесок —
Молодой прибой —
Небесной осенённый благодатью.
О, смерч огня! —
Смирения не жди! —
Рёв, треск и вой
Косматого кошмара,
Летящего,
Как дьявольская кара,
Слепое буйство жара и угара,
Пока не грянут грозы и дожди.
И тут не властен окрик:
Сгинь! Не сметь!
Огонь — чистилище
Для будущего рая...
Так кто же ты, природа?
Жизнь иль смерть?
Иль совершенство без конца и края?
Меняешь грани гор, материков,
Клокочешь вулканической лавой...
И человек из глубины веков
Куда идёт?
К безумству или к славе?

3

Когда под солнцем млеет, нежась бор,
В янтарных бликах,
В сыпи рысьих пятен, —
Возню синиц,

Негромкий хвойный хор,
Как будто спятив, нарушает дятел.
Извечный житель залесённых мест,
Не песенник,
Но ритма не лишённый,
Вдруг сыпанёт морзянкою окрест,
И на мгновенье весь лесной оркестр,
Испуганно замолкнет,
Оглушённый.
Вот и на этот раз,
Не торопясь,
Нашёл сушняк
И, тишину нарушив,
Затарабанил...
С шумом поднялась
Под ним в малиннике
Взъерошенная туша
И повела плечами.
На спине
Под шерстью вздулись мощные лопатки,
И тут он морду повернул ко мне —
Медведище —
С ним не сыграешь в прятки.
Я — дёру!
Словно в небо взял разбег —
Лечу и падаю,
Весь страхом искорёжен...
Не верю, что есть снежный человек,
Но тот медведь
Был на него похожим.

4

Страх — не любовь,
Как прошлогодний снег,

Уплыл весной
И канул в дебрях лета...
Глаза прикрою — воскресает бег,
Сравнимый по изяществу с балетом.
Прекрасный миг! —
Мне видеть довелось,
Как гордо,
Положив рога на плечи
И, фыркнув, на рысях уходит лось,
Всем видом говоря:
— До новой встречи!
Он — совершенство с головы до ног,
Убогости лесной бросая вызов,
Скользит по мелколесью без дорог,
Вздувая ноздри
Над губой капризной,
Когда букетом вспыхнут на пути
Наброды птиц,
Зверья мохнатый запах...
Как светотень, бесшумно он летит
На зов сородичей воинственно рогатых.
Не зря же первобытный человек,
Осилив графику на обнаженных скалах,
Запечатлел и стать его, и бег,
Да так, чтоб солнце на рогах блистало.
Дальтоники!
Нам видеть не дано
Цвет ауры берёзы иль осины,
И мы природу любим, как кино,
Шестое чувство утопив в рутине.
И я такой же —
Падкий на прогресс,
Однажды не заметивший утраты.
Не потому ль при возвращеньи в лес
Мне каждый раз мерещится сохатый.

И до сих пор забыть не удалось
Ни встречу с ним,
И ни с медведем встречу,
Как уходил по мелколесью лось,
Оскал и морду — зверочеловечью.

5

Сосновый бор — Сварожича чертог.
Здесь дух живицы от лучей горячих
Хмелён и чист.
А я валился с ног,
Но отдалённый, тихий лай собачий
Взбодрил меня,
А вскоре замаячил
С огромной бородицей сам Сварог.
Медлителен, нахохлен, словно сыч,
Обвёл глазами острыми лужайку
И руку протянул:
— Илья Лукич,
А это — Волк,
Кровей чистейших лайка.
Учуял чужака издалека,
И мы — вослед:
Корыстливы ли гости?..
Пёс «метил» сосны, слушал старика,
Не проявляя ни любви, ни злости.
— Илья Лукич,
В малиннике — медведь!
Он, может быть, сюда идёт по следу...
— Волк защитит,
Тебя учуял ведь.
Пёс даст отпор хоть волку, хоть медведю.
Плюнь и забудь, и — канет маята...
Пойдём-ка в скит, передохнёшь с дороги.

— Так вы за мной ходили по пятам?
— Окстись!
Зачем бы утруждать мне ноги?
Айда к столу.
Тут полверсты ходьбы,
Чайку попьём и новости обсудим.
Я третий год сбегая от судьбы,
Но что ни день — терзаюсь —
Тянет к людям.
Он шёл как бы по шёлку, не шурша,
Вслух радуясь чему-то иль мечтая,
А я, уже не слыша не шиша,
Усталостью всё больше обрастая,
И слово, словно заворож, — «судьба» —
Дробил в слога:
«Судь-ба, суд-суть, суд божий»...
Пока на взгорке крыша и труба
Над зеленью не всплыли в знойной дрожи.
Прямую связь тех лет и этих дней
Ещё в зачатьи предрешила участь:
Настало время рассказать о ней,
Ведь мне казалось, свёл нас просто случай.

6

Высокий берег,
Торжество ракиг,
Десяток елей с метками-рубцами,
За ними — полуобморочный скит,
Семейскими заложен беглецами.
Кержацкий практицизм и аскетизм
Дышал на ладан
В блеклых брёвнах сруба,
В подслеповатых окнах тлела жизнь,
Но набок похилившийся карниз

Едва держался на подпорках грубых.
Просевшей крыши впалые бока
Означили стропил худые рёбра...
Домишко явно заглянул в века —
Запомнилось,
Что он был сух, как вобла,
И закрывал спиною огород
С усохшей банькой,
Кряжистым амбаром;
Он тоже покосился от невзгод,
Пропитанный таёжным скипидаром.
Мы сели под навесом.
Грубый стол
Пахнул в лицо опилками и стружкой;
Илья Лукич, как истый хлебосол,
Попотчевал ржаной затирушкой,
Заваренной на бортевом меду,
Заметив, что от сглаза и от хвори,
И чистки помыслов,
Скромную еду
Едали предки в радости и горе.
И понесло его в «давным-давно» —
В уставы прадедов,
В церковную словесность,
Как Аввакум в норе, сложив гайно*,
Своим упорством обретал известность.
Писатель необузданных кровей,
Ревнитель благочестия и нравов,
Он верой обжигал, как суховой,
Никонианство,
Будучи бесправным...
Так рассуждал раздумчиво Лукич,
Но, словно клёкот, клекотала нота,
Когда орлы птенцам бросают клич

* *Гайно* — жилище зверя.

Для смелого и дальнего полёта. —
Ты, знаю, — комсомолец!
И не след
Тебя смущать оккультными речами.
— Я — атеист! —
— Безбожника ответ!
Но годы, опыт жизни за плечами
Тебе укажут путь в Святую Русь;
Как блудный сын, ты припадёшь к ней:
«Грешен!
Прости Господь!»
Промолвит Иисус:
«Земля еси и в землю отыдеши».
В душе твоей тот голос прозвучит,
Где возведёшь ты храм
Деяньям веры
И Света —
«Я есть Истина!» — лучи
Разрушат напрочь логово химеры...
Старик умолк, закашлялся до слёз
И выдохнул:
— Грядёт уж наказание:
Ошпарил лёгкие мне лагерный мороз,
Не дай Бог грешным, что я перенёс, —
Сбывается прабабки предсказанье,
Что правнук, всеу оттянувши срок,
Скоропостижно от чахотки сгинет...
А ты вздремни-и,
Вздремни-и-и,
Вздремни чуток...
Всеблагий, умири его гордыню...

7

«Да ты вздремни, вздремни»...
И на челе

Глаза, сверкнув из-под бровей, угасли,
А я, уснув,
Как херувим, во мгле
Поплыл на свет, расплывчато неясный.
Так после смерти чистая душа
Парит в эфире в поисках причала,
Не чувствуя, не мысля, не дыша,
К истокам первобытного начала,
Где память утвердила бытие...
Во тьме светила кроткая лампадка.
Спешу на свет её
И — ё-моё! —
Наш старый дом,
В том доме я и бабка.
В моих руках — надтреснутый лубок
С лицом младенца необычно ясным,
И бабка говорит мне:
— То — наш Бог!
Ему бы люльку,
Свет очей, не ясли.
Она вся — умиление,
Голосок — дрожит, поёт
Речитативным слогом:
— Христос родился —
Наш предвечный Бог —
Не во дворе, а во хлеву убогом.
К нему волхвы, переступив порог,
Дары внесли — сокровища Востока.
Звезда Надежд
Средь множества дорог
Их привела к божественным истокам.
То были наши праотцов отцы,
Пришедшие к младенцу на подмогу, —
Предвестники, кудесники, жрецы, —
Для нас открывшие пути-дороги к Богу.

Вплывала в окна предвечерья синь,
Окутав бабу в голубые краски,
Я тербил её за фартук и просил
Дорассказать мне лубяную сказку.
И вот она, перекрестясь, сама
Берёт лубок, вздыхая:
— О, мой Боже!
Дай внуку с повзрослением ума
И веру в мир божественный умножить.

8

— Проснись, Никола!
Будет дождь — парит,
Домой пора, — гудел Лукич над ухом.
— Во сне ты вроде б с бабушкой говорил? —
С ней! — удивился я.
— А что так сухо?
Чай помнишь колыбельный голосок
И бабушкины усталые морщины...
Возьми в котомку этот туюсок,
В нем дикий мед напополам с вощиной.
Я упирался,
Мол, зачем? Избавь!
В ответ он ёрничал по поводу охоты,
Мне обещал задобрить Явь и Правь,
И Жабу-Жуть бездонного болота,
Когда меня кратчайшею тропой
Переведет на суходол знакомый,
Где хутор брошенный,
Без окон, как слепой,
А там уж — и рукой подать до дому.
Ах, эта заскорузлость стариков —
Не гнётся, не ломается,
Как будто

Премудрость черпали
Из тайных родников,
Настоянных на опыте веков,
Вода в которых не бывает мутной.
Несли безропотно, не расплескав, —
Всё для детей и баловников-внуков;
В глазах — неизъяснимая тоска
О том, чего не удержали руки.
Не потому ль, остановив меня,
Изрёк исповедально, сокровенно:
— Ты должен знать,
Что я тебе — родня,
Далёкая — четвёртого колена...
Я, молча, вопросительно глядел;
Лукич, чтоб разрешить мои сомненья,
Привлёк меня легонько к бороде
И осенил крестом благословенья.
Лил тёплый дождь.
Болото позади.
И сумерки сгущались понемногу.
Невольно что-то дрогнуло в груди,
Когда сказал мне:
— А теперь — иди!
За хутором легко найдёшь дорогу.
И вмиг растаял отчужденья груз,
Томивший нас до этого прощанья,
И неизбывный наших душ союз
Родился вдруг из воздуха молчанья.
Так, видно, клином вышибают клин,
Ошеломив бывшее настоящим,
А дождь, и хмарь, и влажная теплынь —
Я понимал —
Всё это — преходяще.
И даже Волк, вильнув полукольцом.
Вдруг, отряхнулся от болотной жижи.

Подпрыгнул и лизнул меня в лицо.
Хотя я не был на него обижен.
Случалось — гладил,
Мял седой пробел,
Почёсывал на лбу продольный хрящик...
Старик и пёс...
Безмолвье — их удел!
И я, как зачарованный, глядел
На обречённо в сумрак уходящих
Тропою потаённой,
Где следы
Без знания засечек не осилить —
Теряются средь кочек и воды
С коварными ловушками в трясине.

9

Непостижимо!
Зримо до сих пор:
Дичь — рябчики —
Счастливая охота! —
Шли на манок, летели через бор
И привели...
Знакомое болото!
Без окон хутор,
А за ним — дымок,
И ароматы варева грибного...
Навстречу мчал обрадованный Волк,
Язык алел —
Вот-вот сорвётся слово.
И вновь собачий жаркий поцелуй,
И мы упали — как не порезвится? —
Лукич гудел:
— Никола, не балуй!
И тем же голосом, как приглашал к столу

— Айда к костру, пошвыркаем грибницы
С картошечкой, укропчиком, лучком.
Отведай на здоровье, не погребуй...
Волк, видишь, уши наострил торчком —
Учуял у тебя краюшку хлеба.
Пёс жадно грыз ржаные сухари,
Искал в траве потерянные крошки.
Лукич, не уставая, говорил,
Раскрыв сплетённые
Из краснотала крошны;
И вывалил — узорчатый поддон,
Резные поварёшки, ложки, миски...
Всё это якобы тащил он на кордон
К жене лесничего — художнице Таиске.
И тут же, помрачнев, на миг замолк,
Сорвался голос в тоне, словно в стоне:
— Намедни убеждал её, как мог —
Бежать с реки,
Бежать — или утонет...
— Илья Лукич, простите,
Вы — колдун?!
— Почти колдун,
Но только много хуже:
Мне откровенья мнятся, как в бреду...
— Ну, чудеса!
Так убедите мужа!
Лукич взгудел.
Так колокол Самсон,
Ожив, заговорил бы с колокольни,
Что он — невольник,
Погребальный звон —
Худая весть —
И колоколу больно...
Да, он бессилен.
Обречённых жаль.

Есть только приговор,
Но неизвестны судьи.
И от людей он потому бежал,
Чтоб не сойти с ума, врезаясь в судьбы.
Подковы рвал, троих сшибал в упор,
Но зона все силёнки обсосала.
Однако выжил.
Жизнь продляет бор,
Целебный воздух да барсучье сало.
А хлеб и соль, стамески и резцы
Лесничий поставляет и Таиска.
Они в поделках смыслят —
Молодцы!
Он — фронтовик, Таиска — атеистка.
Лукич развёл руками, вновь замолк,
Насупившись, в себя уйдя надолго,
И непривычный к разговорам Волк
У ног его улёгся с чувством долга.

10

Любя, ревнуя летописный слог
К высокой чести, горести и боли
Былой Руси,
Где изначальный Бог
Учил славян к терпению в неволе.
Я преклоняюсь перед теми, кто
Свободы песнь оберегал под кровом,
И два столетья прожил под кнутом,
И победил на поле Куликовом.
Им несть числа.
Их неподсуден грех.
История не может кануть в Лету.
И мой Илья Лукич один из тех,
Кто мог сказать об этом всему свету,
За спинами не прячась.

Он — народ!
Ветвь «древа жизни»
С возрастом столетий.
Случалось — приходил его черёд —
Быть обухом,
И — пасовали плети.
Но рок — жесток...
Его бросало в дрожь —
Судили пастырей на сельском сходе,
И он, как гром,
При всём честном народе:
— А что и мы,
И наш великий вождь
Уж не под Богом, а под бесом ходим?!
— Охрана, взять! — побагровел судья...
Урок — не впрок.
Права — у револьвера.
Стандартный срок,
И — в ссылку вся родня,
Ему — в этап, и попранная вера.
Лесоповал почти под Колымой —
Блатные, воры, урки, работяги,
Политзека по пятьдесят восьмой,
Фискалы, голубые и сутяги...
И в этой вавилонской кутерьме,
Что называлась лагерем и зоной,
Илья Лукич учился жить в дерме
По зековским не писанным законам.
Да и не только жить:
В бараке с ним —
Тщеславия Вышинского халтура —
Дышали воздуха злословия одним
Писатели, артисты, профессура...
На нарах рядом долго умирал,
Захлебываясь в астме,
Тучногрузный,

Известный в прошлом белый генерал —
Герой гражданской
И соратник Фрунзе.
И в этом месиве отверженных судеб,
Где сила — власть,
А немощь — жом бедлама*,
К нему тянулся, соль делил и хлеб
Не то монах, не то бурятский лама.
Развод на плаце...
Конвоир с плеча
Огрел прикладом медленного старца,
Лукич в защиту матом прорычал —
И угодил на две недели в карцер.
Бетонная коробка без окон,
Глухонемая ночь да крысы в склепе;
У зеков назывался — «Чти закон!»,
И «чтили», и нередко в нём же слепли.
Лукич во тьме молился неспроста —
Стяжал молитвословием прощенье:
Был первый день Великого поста —
Он чтил Христа, Господне воскресенье.
Баланда... Холод...
И невольный страх —
Мережились неясные виденья...
Вдруг чей-то голос,
Что буддист-монах
Скончается в часы ночного бденья.
Не то чтоб голос — шёпот,
Не звучней
Шумит листва,
Поёт в полях пшеница,
Иль, изливаясь, говорит ручей,
Когда к нему склоняются напиться.

* Жом — пресс, давальня. Бедлам — неразбериха.

11

Коль сняли голову — не плачь по волосам,
Коль выпал жребий — будь достоин доли...
Илья Лукич порой не верил сам,
Что может в мыслях,
Напряженьем воли
Восстановить, услышать и понять,
Что было с человеком и что будет;
Монаха, жить уставшего, пенять
Нелепица,
Тем паче обвинять,
Что поселил в нём «просветленье Будды».
Но жадно, словно голод утолял,
Внимал учёным спорам год из года:
Законы космоса...
Магнитные поля...
Анализ синтеза...
Творящая Природа...
Познание Истины...
Всё смерти отдано...
И угасала в Лукиче тревога:
Религия с наукой — заодно!
Живое — от живого,
Мир — от Бога.
И тайно за друзей и за врагов
Творил молитвы:
— Благий, не отвергни
Твоих заблудших во грехе рабов,
Вселися в ны, очисти ны от скверны..

12

О, святости Отчизна!
Ты ль одна,

Опутанная измами вождизма?!
Всех уравнила страшная война,
Европою пригретого фашизма.
Сердца щемило — немцы под Москвой!
Притихло всё Колымское нагорье —
Объединили зеков и конвой,
И ярость, и одно большое горе.
Заосенило.
Ранняя пурга
Лесоповал изматывала воем,
Но силы есть —
Все силы на врага!
А пайка урезалась чуть не вдвое
И холмиками ширился погост
Под номерами
Средь пеньков у гати...
Лукич тощал...
Но оказались кстати —
Предвиденье
И волевой характер,
Уменье делу дать нормальный ход,
Третьейски ссору успокоить миром, —
И беспросветный лагерный народ
Его зауважал как бригадира.
За то, что честно,
На виду у всех
Одним из первых тяжесть брал на плечи,
Не пасовал, где отступить не грех,
И не терял обличье человечье.
При этом обострялось, разрослось
Благодеянье — дар небесной выси:
Людей он видел чуть ли не насквозь —
Суть каждого, судьбу его и мысли.

13

Боюсь — уже не вспомню всё сполна
Исповедально роковую повесть.
Но голос — басовитая струна —
Звучит в душе, и не моя вина,
Что он был мрачен,
Будоражил совесть...
Завечерело.
Через небо вкось
Звезда, спорхнув,
Рассыпалась над нами...
Хотел спросить:
— Как понимать «насквозь»?
Но в этот миг в костёр ударил камень,
Прошив со звоном чёрный котелок,
Под ним снопом взметнулись пепел, искры...
Лукич перекрестился:
— Святой Бог!
Ужель меня преследует антихрист?
Намедни в предгрозовье ярый шар,
Светясь, как солнце, выплыл из бурьяна,
Проплыл, не тронув, конуру, амбар,
Нырнул в предбанник — взрыв! —
Сгорела баня...
Он, щурясь, палкой шурудил в костре,
По-старчески покашливая в руку,
А я, чтоб успокоится быстрее,
Улёгся рядом и притих — ни звука.
Ах, чудо — предосенняя пора! —
Уже не лето, но ещё не осень:
Роится над теплынью мошкара,
Да тишины сторожкая игра
Шушукается на вершинах сосен.
Магические звёзды и луна

Сочатся несказанным вдохновеньем,
А тишина столь таинства полна,
Что кажется земли сердцебиенье
Синхронно отзывается в груди...
Старик же,
Будто проиграв сраженье,
Покорно глядя в пустоту,
Твердил:
— Любя, творя добро, — не навреди...
Так говорят с зеркальным отраженьем,
Итоги подведя, себе в упрёк...
— Илья Лукич, постель ко сну готова...
— А ты вздремни, вздремни,
Вздремни чуток,
И пусть хранят тя воины Христовы.

14

Но я не спал,
А мой максимализм
Трещал по швам —
Весь из кусков и на живульку схвачен;
Лукич, свою довёрстывая жизнь,
Судил мне долгий век,
В конце — удачу:
— Ты доживёшь до торжества времён,
Когда Россия с миссией — Мессия —
Отринет беззакония закон,
Воспрянет вновь
Под колокольный звон,
Как Феникс,
Из распада и бессилья.
Твоя пора — подобная траве,
Которая не знала сенокоса —
Зелен ты,

И роятся в голове
Зелёные вопросы, словно осы.
Иные жалят, причиняя боль,
Другие — мимолётны и наивны:
Ты хочешь знать, кто виноват?
Изволь! —
Чревата бездуховная юдоль! —
И в том твои наставники повинны.
Их не сужу,
У них был свой черёд —
Затмили ум и память наважденья;
Почти расхристианили народ,
Который был крещёным от рожденья.
Вот и твоё неверие Фомы
Не удалось рассеять мне наскоком...
В тюрьме не мог спасти я от тюрьмы,
Но, зная мысли, пресекал жестокость.
Когда ж сроднился с лагерной средой.
Когда в объятьях нас сдавила зона,
Я понял, что за общею бедой
Мне выпал крест
Сродни судьбе Иона.
И ныне власть по-прежнему строга
К евангельским, апостольским заветам;
Святой Георгий — тоже знак врага —
Инакомыслия —
В Стране Советов.
Я не сужу тебя...
Признаюсь — мне
Удобней рассуждать без возражений,
А всё, что слышал —
Спрячь в душе на дне —
Пусть станут частью новых убеждений
И памятью...
Себя на том ловлю:

Ты — славный парень,
Расставаться жалко...
Я, наконец, нашёл свою семью —
Сослали их из-за меня в Игарку...
Ну, прощевай!
Мы с волком — на кордон,
Считай вёрст с десять с гаком —
Путь неблизкий.
Попробую переменить я тон
И с божьей помощью спасти Таиску.
Она не терпит фальши и мазни —
Точна рука — талант от Бога даден...
Чуть не забыл: в дом бабки загляни,
Под матицей отыщешь дивный складень* —
Твоё наследство.
Господи, прости...
Её подарок береги, Никола!
Тебе, как месяцу, расти ещё, расти,
Чтоб полное сиянье обрести
До сретенья у горнего Престола.

* *Складень* — иконы, изображенные на двух или трех небольших складывающихся створках.

БУГРОВЩИКИ

Поэма

Еще в XVII в. грабительские раскопки — «бугрование» — приобрели широкие масштабы... В некоторых могилах рядом со скелетами стояли золотые сосуды, а на костяках коней лежали золотые бляхи... Воеводы выговаривали себе десятую долю добычи и не препятствовали кладоискателям. А те, сколотив артели по 200—300 человек, на все лето уходили в степь. Извлеченные из могил драгоценности тут же разламывали на куски и переплавляли.

Археолог А. А. Формозов

1

Невесело в Барабинской степи
Тем, кто пришел за славой и богатством.
Она, раскрыв пространство, усыпит
Его однообразным постоянством
Унылого пейзажа.
Чередой
Озёр и грив,
Рудиментарных колков...
В них лось с Велесовою бородой
На лето поселился втихомолку.
Направо — край багровых солонцов.
Налево — ковыли и волосница.
Шальной табун.
Где двое жеребцов
В жестокой драке делят кобылицу.
И только там, где тихая река
Средь ивняка струится по осоке,
Как след души, дымок от кизяка

Над летним станом тянет невысоко.
Татарочка хлопочет у костра.
Позванивает
На груди монисто...
А в лентах дарственных
Облезлая ветла
Течёт слезами
Жёлтоблеклых листьев
На рухнувшее капище
В корнях.
Где с давних пор, как и во время оно.
Три идола, достоинство храня.
Стоят на страже стойбища
Бессонно.
Им ведомо,
Но не поднять руки,
Не прогорланить деревянной глоткой:
«Идут-бредут сюда бугровщики,
Изъеденные вшами и чесоткой, —
Страшной тенью
Из беспросветных дней!»
— Возмездие! —
Воскликнули бы гунны...
А в этот день натуралист Линней
Назвал примата — «человек разумный».
Тем самым и Атилу обласкал —
Царя царей, наследника курганов,
Где золота сверкающий оскал
Был погребён с заклятием шаманов
На воинах,
Чей дикий ум и нрав
Сродни характеру природы,
Их взрастившей...
И все же Карл Линней, бесспорно, прав.
Что человека сотворил Всевышний.

2

Надеясь на татарское «авось» —
Охотники, кто конный, а кто пеший,
Крадутся к колку.
Там матерый лось,
Охвачен страстью,
Стонет, словно леший.
Он слышит, как сжимаемся кольцо
Врагов,
Их запах для него несносен.
Но — скороход,
Боец среди бойцов.
Он — венценосный гордый рогоносец —
Готов к прыжку в спасительный бурьян.
Запутать след. спасти подругу-самку.
Готов он и на гибельный таран.
Безумствуя,
Смешать в кровавой свалке
Всех, кто возникнет на его пути,
И горе тем, кто перед ним спасует...
Но — сдали нервы
И в просвет летит.
Досель таившись, табунок косулей.
Легки и грациозны их тела,
Мгновеньями отточены копыта,
Взлетают, будто птицы-«зеркала»,
И падают подранками в ракиты;
И снова — взлёт.
Но встречная стрела
С последним стоном
Врезалась под горло...
В глазах — всё небо
Да круги орла
Сужаются, сходясь до точки черной...

Бугровщики —
Сермяжный беглый сброд,
Отпетые грабители курганов,
Им день-деньской покоя не даёт
И ночью снится золото шайтанов.
Свободою заманивает степь,
Она превыше Бога для бродяги.
Не потому ль
Их в крепях встретил вебрь
И покалечил многих из ватаги.
Молитвы во спасенье бормоча,
Везут едва живых на двух подводах:
Метиса молодого — толмача,
Артельного — холопа воеводы.
Три дня пути ещё до Иртыша,
В усталости надежды истощали.
В котомках провианта —
Ни шиша!
Но есть свинец и зелье для пищали.
Уже решили, что коня — в висок,
Чтобы устроить вечером пирушку...
Не с золотом заветный туесок —
Так, меди чудской мелочь —
Безделушки
Везут, не пряча,
Для отвода глаз.
Зато у атамана
Под рубахой —
Сплетённая из кожи перевязь,
А в ней защиты золотые бляхи...
Гарцует на коне батыр мурзы,
Приказывая снять осаду колка:
— Велик Аллах!

Послал нам три козы.
Которых всё равно бы съели волки...
А те, кто их копьём, стрелой пронзил,
На волокушу привязав,
Ликуют;
Как эхо, вторят:
— Сразу три козы!
Велик Аллах! Послал нам дичь такую.
О, неизбывной радости родник —
Мужская и забава, и работа:
Ничто так со зверьём нас не роднит,
Как хищная удачная охота.
Восторга первобытного сестра,
Довольства плотядного гримаса —
Блаженно улыбаться у костра,
Вдыхая запах жареного мяса;
Внимать котлу, где булькает лапша
Желательно с приправой,
И отменной...
Вот потому, как на байрам, спеша,
Охотники опешили,
Мгновенно
Схватились за оружие,
Когда
Навстречу показалась из лощинки
Бугровщиков унылая орда.
Как справившая только что поминки.
Взывал осипший голос толмача,
С полурыданьем схожий,
С полустоном:
Мол, помоги, батыр, нам,
Выручай
Пришедших не с враждою.
А с поклоном...
Хотела тотчас горстка степняков

Пуститься вспять —
Исчезнуть, раствориться,
Однако вид пришельцев был таков.
Такой надеждой их светились лица,
Что, волею Всевышнего храним.
Но вместе с тем предельно осторожен,
Велел батыр им следовать за ним,
Кривую саблю ловко бросив в ножны..

4

Земная твердь, конечно, не броня.
Но всё же я пою хвалу курганам:
Они тысячелетьями хранят
Наследие былого.
Как ни странно,
В моей крови — огонь бугровщика.
Обратной стороны его природы:
Рука дрожит при виде черепка
С орнаментом неведомой культуры.
И за курганы поднимая тост,
Я вопрошаю, не шутя:
Ответьте,
А что расскажет нынешний погост
Праправнукам
Спустя тысячелетья?
Ужель источит все разрухи червь?
И я, обросший бородой сомненья,
Но лысиной под старость просветлев,
В грядущее гляжу без умиленья.
Преставился б хоть завтра,
Но — умри —
Кто за меня сказать моё сумеет,
Что пращуры — отнюдь не дикари,
А в чём-то были

Даже нас умнее.
Мне, право, хочется,
Чтоб были вы правы,
Но опыт мой, поверьте, тяжелее:
По ходу дела полагали вы —
Батыр бугровщиков не пожалеет.
Ан, всё не так!
Живёт в степях лихих
Неписанный закон гостеприимства:
Три дня без устали
Кормила их
Из казана
Татарочка в монисто;
Настой варила из целебных трав,
Примочками залечивала раны...
И Карл Линней был, несомненно, прав:
Народы в дружбе — образуют страны.

5

Когда наутро ветхий аксакал
На всякий случай идолам молился,
Израненный табунщик прискакал
И среди юрт встревоженных
Свалился.
А следом — наважденье тишины —
Степь топотом наполнилась и гиком:
То, прихватив чужие табуны,
Разбойничали чёрные калмыки.
Джунгары с материнским молоком
Впитали: грабь! —
Всё скроют расстоянья...
Не знали, не учли, что биваком
Здесь, оклемавшись, русичи стояли.
Родной табун на юрты тучей мчал,

Им управляли дерзко и умело,
Но грохнула по всадникам пицаль
И — всё смешалось в пойме очумелой:
Озлобленные крики.
Страха вопль,
Копытный топот.
Ржание в предсмертьи...
Табун, как половодье,
Как потоп,
Подмял погонщиков
В безумной круговерти,
И ринулся лавиной назад.
Просторами, свободой упиться...
Ах, звери-кони!
Что кентавра взгляд
В сравненьи с умницей-ахалтекинцем?!
А стать, а стать — взгляните —
Все при нем!
И мышц игра,
И резвая беспечность...
Он рядом с человеком стал конем,
Умножив в человеке человечность.

6

Еще Сократ в пучине древних лет
Путь к истине искал.
На все вопросы
Он, вероятно бы, нашёл ответ.
Но массаами не овладел философ
И принял яд...
К поштучным из людей
Серятина всегда была двуличной,
Плела интриги вокруг своих вождей

И преклонялась перед их величьем.
Вот и сейчас
Порою, матерясь.
Хулой исходим,
Проклиная все,
Но выйдет князь,
Нас по мордасам — хрясь! —
И за него мы дружно голосуем.
Так и в компании бугровщиков:
Пока артельный был здоров и в силе,
Терпели умников
И дураков,
И тяготы легко переносили.
Но, срезанный клыками секача,
Упал в цене хранитель золотишка:
Его судьбу, тем паче — толмача
Решили меркантильные делишки
Ватажников.
Вскипали до вражды,
До крайностей их распри и тревоги:
Вот-вот — и лягут вислые дожди
На солонцы,
В Туру закрыв дороги...
Не мешкая,
В дырявый балаган
Явились за добычею иуды:
— Снимай-ка опояску, атаман,
Давай кошель, иначе будет худо...
— Ах, перевязь, раздора поясок, —
Стонал артельный.
Распознавшись с грузом.
С досады в угол бросил туесок,
Который стал теперь для всех обузой.

У молодости — грёзы по весне,
А старость изнывает без вниманья:
Забывтое является во сне
И превращается в воспоминанья.
Они — прекрасных замыслов тюрьма.
В стране воров, насилия и риска,
Мне кажется порой, — такая тьма,
Что не разжечь божественную искру
На пепелище лет.
Временщики
Размножились,
Как теневая каста.
Их узнаю:
— Привет, бугровщики.
На пьедесталах власти и богатства!
А помните
Дырявый балаган?
Как разгорались страсти и страстишки?
Как по-варначьи
В утренний туман
Те, что покрепче,
Смылись с золотишком?
Как выросли из лыковых лаптей!
Как элитарны, яростны и страстны!
Какой успех... при помощи локтей!
А вот глаза —
По-прежнему несчастны.
По-прежнему неукротим ваш нрав.
Когда абсурду нет альтернативы...
И Карл Линней был, несомненно, прав.
Что «гомо сапиенс» — пока что в перспективе.

ЛЮДИ И ПЕСНЯ

Поэма

I

Ах, песни, песни! Наяву
Нередко в разговоре слышишь,
Звучит вопрос,
Как третий лишний:
— Куда?
— За песнями в Москву!
И не смешно, и не в новинку:
Весь — борода, ученый вид,
И на полмира знаменит:
— Куда?
— За песнями... в глубинку.

В глубинку, словно по клубнику.
А на дворе — шестидесятый
Уже прицеливался к датам —
Оплакать веси под сурдинку.

Витайте ж сел былых названья
Хотя бы в памяти людской
Вечерней русскою тоской,
Как эти девичьи страданья:
В небе месяц в одночасье
Засветился голубой.
Вася, Вася, может, к счастью
Повстречались мы с тобой.
Были Выселки деревней,
Стали — деревушкой.

Вася, Вася, ты продремлешь —
Стану я старушкой.
Мне миленок изменил,
Ох, судьба противная.
Он со вздохом говорил,
Что я неперспективная...

И Вася,
Вероятно б, сдался,
Но убыл в армию.

Солдат,
Поверьте, был не виноват,
Что командир ему попался
Из меломанов.
Новобранцам,
Учтя их склонность, дарованье,
Всем учинял он испытанье
На слух, на ритм, на гибкость пальцев
И только лучших брал в оркестр.
Среди немногих мой Василий
Легко экзамен тот осилил,
А от оркестра — наотрез.
Комбат нахмурился.
Солдат.
Шел явно на каприз и грубость:
— Так почему?
— А почему бы
Не заглянуть мне в рот И зубы
Пересчитать, как у коня?
Мудрен, что скажешь?
Был бы Вася в ученье плох —
Иное дело.
Ему за это бы влетело,
А тут — подай его согласие.

И тем не менее — конфликт
Назрел.
Какого черта ради!

Ах, Васька, быть тебе в наряде,
Чтоб впредь придержививал язык.
Ну сбавь же гонор!
На гармошке,
На балалайке и на ложках
Ты, к общей радости, велик
И к почитанию привык,
Но Выселки — не свет в окошке,
Тебе ли объяснять?
Тебе...
— Играть согласен... на трубе.
— С тобой добром, а не силком,
Ты что за парень, поперечный?

Схвачу я с ним удар
Сердечный.
Зачем связался с чудачком?

II

Солдатский долг —
Он, как итог
Взросления, твердости, мужанья
И непременно — расставанья,
И встречи —
Службы срок истек!
Вот сына ждет домой Мария
И ловит каждый скрип дверей.
Шаль ожидания на ней,
Как будто сложенные крылья.
И вдруг — письмо.

Не наважденье ль?
Он пишет, что по доброй воле
С оркестром едет на гастроли,
Пока на пробу...
Просит денег...
Но как же,
Как же мимо дома,
Не посоветовавшись даже?
И что нашел он в этом... джазе,
Чтоб головой туда, как в омут?
Везло ж селу на неспесивых,
На однолюбов сыновей,
Они надежны и красивы
Степенной верностью своей.
Родному краю.
А Василий?..

Он тоже знал, куда стремиться.
В нем от проселков родилась
Дремавшая подспудно страсть —
Живой мелодией излиться.
С какой прозрачностью веселой
Поет его труба в оркестре,
Когда на «бис» встречают соло.
Лицом добреет сам маэстро,
Ликуйте ж, Выселки!
Я сам бы
Готов пойти за ним вослед,
Но не берут меня в ансамбли,
Наверное, таланта нет.
Хотел и я быть звонче, лучше,
Не получается, хоть тресни.
Как за штаны и хлеб насущный,
Плачу за музыку и песни.
Они святое чувство будят.

Гордись и знай:
Ты — человек!

III

Соединив чело и век,
На что-то ж намекали люди?
Чтоб каждой песне — свой мотив,
Чтоб род людской — из биографий...

Вот с довоенных фотографий
Устало смотрит в объектив
С улыбкой женщина.
Юна.
В глазах тревога, ожиданье,
И держит,
Будто в том призыванье,
Мальчонку на руках она.
А рядом, ретушью размыт,
Портрет супруга в красной раме.
Он с заливчатскими усами,
Но добродушен, домовит
И взглядом будто говорит,
Мол, хорошо, ребята, с вами.
И впредь захаживайте в дом,
Мы завсегда найдем беседу
Да чарку добрую к обеду,
Да что-нибудь еще потом...

И вот она, едва-едва
Под полушалком однотонным
Ее узнаешь.
Отрешенно
Глядит куда-то вдаль вдова.
Где жизнерадость бывшего?

Скользящий в беспредельность
Как будто бы зовет назад
Однажды канувшее слово.

Младенец вырос.
Ей осталось
В награду ото всех трудов
В руках ломотная усталость,
Все наступающая старость,
Все восходящая любовь.
Она — одна
И только кот
В избытке нежности и лени,
Ей греет преданно колени,
Когда включается «Рекорд»,
Живет экран.
Тепло, уютно,
И дрема изо всех углов
Свой верный сторожит улов,
И сети сна плетут минуты.
Но я-то знаю наперед:
Еще не кончится программа,
Мария вдруг услышит: «Мама!»,
И радость в тихий дом войдет.
Друзья забытые придут,
И любопытные соседи,
За стол засядут, полный снеди,
И Васькиной чеканной меди—
Чеканно, медно подпоют.

IV

Ничто на свете не случайно,
И песня Васькиной трубы —
Пролог его любви, борьбы

С самим собой,
И в этом — тайна.
Ведь просто было лишь вначале.
И в птичьем горле — песен всклень.
Но замечали,
В ясный день
Поют ли птицы о печали?
А человек поет.
Его
Непостижимое тревожит,
И ярость — день бездарно прожит,
И щедрость — вот вам!
Каково?!

Он восхищен не ерундой:
Гранит, оповещала пресса,
Под прессом, захрустев,
От стресса
Излился «каменной водой»,
А песня вдохновляла разум,
И не могла не подсказать:
Густа гранитная слеза,
Людская — тяжелей алмазной...
Ты — человек!
Пока не поздно
Уймись и дай земле покой...

Плакатной броскою строкой
Он пишет: «Нет — гиперболоидам
Во имя жизни на планете
Ракетно-ядерным — отбой!»
И ветер бесконечных летий,
Земной истории свидетель
Зовет нас
На последний бой.

Николай Тельпухов

Опять нужна России встряска,
А поводырь — полуслепой!..

Пошло все к черту!
Друг мой, Васька,
Сыграй «Бродягу»
Или спой.

В ЭДЕМСКИХ КУЩАХ

Поэма

1

Спускаюсь в глубь — в древнейшие века
И жадно озираюсь в том колодце.
А под ногами кромка ледника,
Сочась,
Хрустально
О камня бьётся.
Литая, первородная вода,
Холодная, как жаждущая жажды,
Не знает, что клоаки — города
Её отравят в стоках не однажды.
Не ведает,
Приняв её, река
Сроднится с морем, берега порушив,
А соль морей, как слёзы вдов, горька,
Осиротевшей под цунами суши.
Так Человек,
Без низменных страстей,
Но на защиту и расправу скорый,
Не ведая судьбу своих детей,
Заполонит леса, долины, горы.
Он принимал, как неизбежный дар:
Рожденье — в радость,
Боль и смерть — в страданьи,
Блеск молнии и громовой удар,
Как божий гнев,
Пожар, как наказание,
Как искушение — по близким грусть...

И так далёко до Христа и Будды,
И всех святых...
Чего же я боюсь,
В сравнении с тем, что было и что будет?
Я — Человек! —
Чей жребий — крутизна
В познание Бога — своего наследства.
Ведь в чистом виде не бывает зла —
Есть разума, души несовершенство.
И монстры динозавровой войны
Не перегрызлись —
Вымерли —
Не сразу,
И мастодонты — тучные слоны
Имели мозг, но не нажили разум.
А мир строптив, не терпит пустоты:
Он чаял, жаждал мыслящих,
Предвидя,
Гиганты, не шадящие цветы,
Не возведут садов Семирамиды.
Преследуя трудягу муравья,
Зашёл в тупик.
С досады и обиды
Он медленно, на ощупь,
Из зверья
Лепил умелых
Виды и подвиды.
Их в руки приняла Природа-Мать,
Она вручила слово кроманьонцам,
Чтобы в пещерах вслух могли мечтать
О красоте
Под звёздами и солнцем;
А искру вдохновения — сам Бог —
На сочность красок, виденье эфира,
Вступившим в сталактитовый чертог,

Под своды галереи Альтамиры.
Природа
Их в эпохи повела — Грядущие
На зависть всем планетам.
Мир ликовал!
Вселенские дела —
Его деянья воспоют поэты,
И времени молчавшая река,
Его восславит, обретая русло.
Он, необъятный, знал наверняка
Нетленное воздействие искусства.

2

О, чудный дар!
Неистов и лучист
Твой странный зов.
Палитра так богата...
Но Человек — художник и артист —
Не ждал оваций от матриархата.
Тысячелетья защищал, как мог,
Мать матерей, её очаг от смерти;
Он мясо, шкуры мамонтов волок
К ногам мадонн и Мальты, и Бурети.
Слух — начеку и глаз всегда остёр,
Спасало в схватках даже с носорогом.
Что там, в пещере тёмной,
Жгут костёр
И ждут
С глазами, полными тревоги.
Не зря ж острейшим каменным резцом
Под вой метелей, в затяжные ливни,
Он вырезал любимое лицо
На неподатливых осколках бивней.
Нам, видимо, сегодня, не понять,

Как женщине из немоты бездонной,
Ещё тогда сумел он предсказать —
Она взойдет Сикстинскою мадонной.
Он — первобытный.
Фантазёр и маг,
От совести не знавший укоризны,
Владея камнем, был на всё мастак,
Творил и жил, любя,
И ради жизни.
Ему, наиву, было невдомёк —
Он весь в плену неведомых законов:
И первый завязался узелок.
Когда он это осознал и понял.
Что звёзды — вовсе не осколки дня,
Луна ведёт отсчёт морским приливам,
Гора тотема духами бедна,
А боги могут быть несправедливы.
И в тот же час на девственный порог
Языческого тёмного жилища
К нему явился многоликий Бог
И в жертву попросил воды и пищи.
Для тех — не счесть! —
Кто в мир ушёл иной,
Ещё не зная, что такое вечность;
Они роились за его спиной,
Бесплотно растекаясь в бесконечность
За ними — синь, прозрачна и нежна,
Рождённая тоской воображенья:
Им жертва-память так была нужна,
Как всем живым земное притяженье.

3

Не вымысел, дословный диалог
Хранят небес незримые скрижали:

— Твой ум созрел, —
Сказал бесстрастно Бог, —
— А души предков в муках возмужали.
Построй для них убежище — шалаш
И ублажай их пением и словом, —
При этом Бог струился, как мираж,
То исчезал, то появлялся снова.
— При чём тут ум?
Ведь строит и бобёр,
А к музыке медведь имеет склонность.
— Ты — Человек!
И будь отныне добр
К невинно обреченным на греховность.
Томятся души их.
Твой долг...
— Господь,
При чём же я?
И Бог ответил глухо,
Как будто говорил небесный свод:
— Спрос невелик с неандертальцев духа,
Растоптанных, разорванных зверьём,
Забывтых, неоплаканых в молитвах,
Над прахом их глумилось вороньё,
Не прибранном
И в землю не зарытом.
Жива их связь — начала и конца —
С земною твердью.
Им страшна немилость
И хлипкого юнца, и праотца —
Беспамятство!
— Но как это случилось?
— Вселенский Мир в гармонии ума
Не разглядел полярных разногласий;
Природа, совершенствуясь, сама
Размножила зачатки ипостасей

Не совместимых
По числу племён.
Взошедших не на вере, а на страхе.
— Но ты — Творец!
Сверхвластью наделён.
Уметь прощать — величье иерархов
— Да, я — Создатель,
Потому не строг
Не только к людям — к звёздам и планетам.
Я существу всему отвёл свой срок,
Пути движения на свете этом.
Окрепла человеческая мысль
И в безымянность нет уже возврата,
А потому будь истов и молись
За души пращуров.
Любовь к ним — свята.
Я — Бог — вне времени,
Не пустоты —
Без края жизнь на свете запредельном.
Ты — Человек — создание красоты
Телесной и духовной — безраздельно.
Так будь же мудр, и терпелив, и щедр
При восхожденьи к высшему пределу...
Не забывай, что вышел из пещер, —
И удалился Бог в сияньи белом.

4

Мир-созидатель благосклонно мил
К земле и людям
Почивал на лаврах:
Сам Вседержитель соблаговолил
Поведать Человеку сущность кармы.
Отныне в бесконечной череде
Изменчиво-сумбурных суеверий,

Он будет больше о душе радеть
И отдаляться от инстинктов зверя.
Но так ли было?
Потирая лоб,
Я — Человек —
Объят воспоминаньем:
Закрыл глаза,
И — вот, как в телескоп,
Всё ближе —
Вижу первые страданья
От первых войн
И слышу долгий вой,
Повязанных на рабство в смертной драке.
С копьём у хижин ходит часовой,
С ним — первые и верные собаки.
Шаманка раздувает дымокур
С дурманящим, пьянящим ароматом,
И медлит глаз испуганный прищур
Разъять
На сферы поделенный атом —
Предвестника грядущего покров.
Ей — ясновидице — отнюдь не снится:
Кто и когда прольёт безвинно кровь,
Лишь дай им волю властью насладиться.
Их лица, лица...
Ярость голосов...
И злость...
Откуда?
Что с ума их сводит?
То не волков повадки — битых псов,
Щенками прозревавших вне свободы,
И воспринявших силу за добро,
Всевластие — за правило без правил.
Так кто же в этом мире не здоров
В стремлении за право всеми править?

Откуда веет карой и бедой
На соплеменников
Из мирозданья?
И первой прядкой в чёрном —
Сединой! —
Закончилось шаманихи камланье.
Лишь жуть видений сгинула —
В листве —
Вот чудеса —
Увидела — застыла:
В Зелёном ливне ивовых ветвей
Безусый отрок плел венок из лилий
Прохладных, белых, словно первый снег;
Пришла любовь! —
Надежная примета,
Что в человеке — вечен Человек
И будет так до окончанья света.

5

От узелка познания против зла.
Что оседало в памяти наследством,
До гордиева царского узла
Всё человечество
Играло в детство.
Кормил, поил его эдемский сад,
Не знали люди нищей просьбы:
— Дайте...
И даже грешник, попадая в ад,
Срок коротал на первом круге Данте.
И вот теперь, когда звенит мой час, —
Пора расстаться с тем, что было в прошлом
Я не могу поднять усталых глаз
На жизнь, которую загнали в пошлость.
Взираю ввысь — не вижу ни черта,

Муть, что бельмо ослепшего колодца,
Лишь горизонта жирная черта,
Как чёрный траур на закате солнца.
А может, то глаза мне застит стыд
За немощь и ничтожность человека
Пред тайною величья пирамид,
Загадку террасы Баальбека*.
Но верю, что блаженный — не дурак,
Что гении — Всевышнего любимцы;
Не совместимы муза и кулак,
Как руки Страдивари и убийцы,
Не верю, что возвышенная цель
Не совместима с высшим благородством:
Не зря же Пушкин вышел на дуэль
И продолжает с мерзостью бороться
За души во спасение людей,
Нетленным словом — за спасенье духа...
Хочу и я о людях порадеть,
Но что-то в горле от волненья сухо.
Прости меня, Создатель,
Я — не слаб,
Но преклоняюсь пред тобою снова:
Я — Человек — своих пороков раб,
Спасёт меня божественное Слово.

* *Терраса в Баальбеке* (Баальбек — древний город в Ливане) — мега-постройка древних, сама возможность возведения которой никак не объясняется современной наукой.

СКАЗАНИЕ О ЛЕБЕДИ ЧЕРНОЙ

Поэма

*Посвящается внукам моим —
Павлуше и Стасику*

1

Над Чичою — ледяющий мрак...
Над землянкой вьюга воет глухо.
Раздувает гаснущий очаг
Жизнью утомленная старуха.
Приозябла за ночь.
И пора
Приготовить жертвенную пищу...
Буйствуют февральские ветра
Над в снегах увязшим городищем.
Этакий немислимый кураж
На седьмом веку до нашей эры.
Будто бы слетелись на шабаш
Чановские ведьмы и химеры.
Сыплет снег в отдушину,
В проем.
За которым в белой круговерти
Ангел-гриф на пир зовет ее
В мир иной, где не бывает смерти.
Где царит извечная любовь,
Ничего взамен не обретая...
Только ей понятен этот зов,
Прилетевший из глубин Алтая.
Там — грифонов поднебесных власть,
Там — тайменей пестуют ущелья.
Там она когда-то родилась
В белой юрте у горы священной.
Дочери правителя-вождя

Волею старейшины-провидца
Под благословение дождя
Дали имя гордой Лебедь-птицы
В долгой жизни, напороочил он,
Ей не знать ни сыновей, ни внуков;
У чужих народов и племен
Быть ей повелительницей духов.
Понимать язык зверей и птиц,
Звездный мир — всевидящее Око...
Память, память,
Для твоих границ
Нет ни расстояний и ни сроков.

2

Вьюги незатейливый мотив
Оборвался вдруг
В рассветной рани,
И замолк неукротимый гриф,
Разбудив тоску воспоминаний...
Как забыть лазоревую высь,
Блеск снегов
На недоступных скалах?
Как изгнать назойливую мысль —
Неразлучны старость и усталость?
Правда, у седеющей поры
На вершине жизни меньше риска,
Сожалея, созерцать с «горь»
Все, что было дорого и близко:
Силуэты мрачные орлов
Так в своем парении
Прекрасных;
Скачки ошалелых табунов
Крутизной стремительно-опасной;
Рек безумство.

Полных серебра
Аж до самых до крутых истоков;
Пастбища
С безбрежьем сочных трав
И окаменевшую жестокость
Огненных драконов —
Это то,
Что, увидев, век не позабудешь
Острия зазубренных хребтов —
Бренные останки древних чудит...
Там, в снегах печатая следы,
С ленью в теле,
С видом беспристрастным,
Золотой окраскою горды.
Царственно вышагивали барсы;
Там лавина, осыпи круша,
Вдребезги камня дробила...
Изменяет память,
Но душа
Помнит все, что в прошлом любила.

3

Чем быстрее взрослеем,
Тем сильней
Возрастает скорость увлечений,
Отвергаем нежность матерей,
А тем паче — строгость поучений.
Лебедь, с детских лет окружена
Слугами и родовой знатью,
Свыклась с мыслью, что она должна,
Как высокородная княжна,
Выделяться красотой и статью.
Будь при ней,
О, я б лишился сна,

Сочиняя ей во славу песни:
Как она прекрасна и стройна,
Нет соперниц ей
Среди ровесниц.
Но — беда врожденного ума —
Быт придворный быстро ей наскучил,
Поселилась в юном сердце тьма —
Тьма томленья, как в лесу дремучем.
То тиха, с шитьем наедине,
Напевала сказы — песни предков,
То — галопом — в горы на коне
Словно птица, вырвавшись из клетки.
Воин со скалы сторожевой
Часто видел Лебедь у кумирни:
Возжигая ароматный жирник,
К идолам склонялась головой.
Предлагая бусы им и сырник.
Принят был не сразу в жертву дар —
На седьмой
К святилищу прогулке.
Ей об этом возвестил улар,
Из небес торжественно прогулькав.
Это значит, непорочный дух
После размышлений и молчанья
Разрешил мудрейшим из старух
Допустить ее в заветный круг
Магии и таинств врачеванья.
Так сбылось провидца предсказанье...
В полдень равноденствия.
Когда
В воздухе грибной витает запах,
На гольцах сочатся кромки льда,
А леса — в желтеющих накрапах,
Веря в то, что никуда не деться
От судьбы,

Простилась Лебедь с детством,
Путь избрав на долгие года.

4

Лебедь, Лебедь!
На закате дней
Над гордынею
Довлеет разум.
Но тебя я разглядел не сразу:
Ведь в подлунном мареве теней
И роса порой блестит алмазом.
Между нами сотни, тыщи лет!
Но смирись —
Мы связаны судьбою:
Видишь ли, я тоже дал обет —
Жить в согласии
С самим собою.
Вспомни,
Как тебя учила мать
Тайным заговорам врачеванья,
Старая колдунья — колдовать
В черном гроте
У костров молчанья.
В тишине
На мысленный призыв
Сквозь завесу дыма
Из пространства
Опускался одинокий гриф —
Всемогущий ангел
С телом барса.
А за ним текла прохлада с гор,
Звал тебя он,
Крылья простирая
И орлиный устремляя взор,

Улететь в неведомый простор...
И однажды, вспомни,
Словно мечь
За отказ твой,
У костра возникли
Трое похитителей невест
Из племен кочевий
Полудиких,
Лучников из северных степей,
Мирных пастухов,
В защите — храбрых.
Да беда, что жены их ослабли:
Что ни год — то недород детей,
Родовые стойбища одрябли.
И тогда тотемов древний страж,
Покровитель пастбищных просторов
Изваял из камня Кезер-Таш —
Мать племен, заступницу от мора.
Прикоснись —
Твоей надежды дрожь
Примет мать,
Растопит горечь мыслей...
Но вождей объединивший вождь
Акинак над верою возвысил.
Воинскою славой окружен.
Он возвел в незыблемый обычай
Похищенье чужеземных жен:
Иностранка, взятая в полон —
Самая бесценная добыча.
Так уклад порушив вековой
Жизни монотонной и суровой,
Разрастался корень родовой,
На вражде замешан и на крови.
Вот и мы у века не в чести,
Все столетье — кровь и заблужденья.

Нас от вырожденья не спасти,
Если будем от себя грести
И любовь, и веру в возрожденье.
В инстинктивной стадности своей
Продолжаем вожаками грезить...
Нет, не бережем мы матерей,
Их сердца.
Отсюда — беды, Лебедь.

5

Мне плевать! —
Поэт я или нет.
Без того акынов изобилье...
Знаю: ты ждала три тыщи лет,
Чтобы о тебе заговорил я
Слогом современного стиха
И, от повседневности рутинной
Снова отрешившись, услышал
Голос твой гортанно-лебединый.
Разгадал твоих стихию слов.
И теперь мне нет от них отбою.
Как на Крутояр нас занесло,
Знаем двое — только мы с тобою.
Мельтешат, как спицы колеса,
Дни и годы
На пути негладком...
В хвойные алтайские леса,
Спеленав, тебя везут украдкой
Через дебри, тропами зверья,
Где на кручах замирает сердце,
Где, нырнув в спасительный бурьян,
От погони можно отсидеться.
Но в страданьях.
Карами грозя,

Изошла проклятьями колдунья:
Почернела ночь,
И в новолунье
Их настигла шквальная гроза.
Ярость грома, молний и зарниц
То слепила, то давила тьмю,
И, моля пощады, пали ниц
Трое
Перед Лебедью на землю.
Ореолом вспыхивала мгла
За ее плечами, как знаменье,
Им казалось, что она могла
Их испепелить в одно мгновенье.
То по зову кровного родства
Гневалась на них сама природа
И в защиту попранной свободы
Разбудила силы волшебства...

6

Над Чичой — алеющий рассвет...
Бдит старуха в страхе суеверном:
На запястье — золотой браслет,
Голова и шея в ожерельях,
На ногах — овчинные унты,
На плечах — халат из грубой шерсти...
Из степной промозглой немоты,
Чуя сердцем, ждет дурные вести.
И собаки взвыли неспроста,
Слышать им дано не только слухом:
Их надрывный лай и маята
Неспроста встревожили старуху.
Верную служанку растолкав,
Спавшую на боковой лежанке,
Выслала,

Чтоб воин Волкодав
На камланье поспешал
В землянку.
Пляшут блики на ее руках,
На лице, от мира отрешенном.
В прокопченных четырех горшках
Булькает отвар из трав сушеных.
Дав пригаснуть жаркому огню,
Положила сверху
С заговором
Дикую степную коноплю,
Связку черно-красных мухоморов.
Приподнялся полог,
И вползли
Волкодав, обросший, словно леший,
В волчьем малахае,
А за ним
Трое грузных стариков-старейшин.
Вот они, владельцы широт
Девственной непуганой свободы —
Грив, озер, роскошнейших болот —
Во главе с бесстрашным воеводой.
Их стада — в укрытья из жердей
В непогоду жмутся к городищу.
Табуны мохнатых лошадей
Без надзора, как бродяги, рыщут.
Это самый ходовой товар
На торгах
Дозлачной ойкумены.
Потому-то город Крутояр
Богател конями неизменно.
На предзимье, в снеговой покров,
Нарушалось долгое затишье:
Окружали юрты городище
Воинов, менял-купцов, воров —

Из степей соленых Прииртышья,
Из приобских ленточных боров.
Реже — чумы ставили окрест,
Кстати, осторожность не утратив,
Многоженные отцы семейств
Из таежной родовой знати.
По утрам, у выездных ворот, в рог трубил
Со стрельни трижды стражник,
И стекался на торги народ.
Как на общий ритуальный праздник.
Говором и ржанием коней
Наполнялась Барабы столица...
Побродить желаете по ней?
Заночуйте на Чиче —
Приснитесь!

7

Рассиялся над Чичою день
После бури — радостный и ярый.
В малахае, сбитом набекрень,
Волкодав бродил по Крутояру
Мрачен и по-дикому свиреп,
С пахнувшей морозом бородищей,
Издали осматривая крепь —
Круговые стены городища.
Духи ветра с четырех сторон
Только что поведали вещунье:
«Близок час великих похорон,
Жди прихода страждущих племен —
Из низовий Бии и Катуня.
Гонит их
Дракон китайских гор,
Прямо в степи,
Где тлетворный ветер,

Без разбора все живое метит
Роковым клеймом ползучей смерти,
Обрекая на бессчетный мор.
Трупным смрадом полон мрак ночей,
Ужасом весь мир подлунный скован...»
Волокодав, влюбленный в блеск мечей,
Был не раз костлявой атакован,
На своем безжалостном веку
Он и сам пролил немало крови:
В рукопашной или на скаку —
Не робел,
А только хмурил брови,
И мгновенно, как бросок змеи,
Выпад встречь копьё иль акинаку...
На границах у чужой земли
Знали сумасшедшие атаки
Конницы, его подвластной кличу:
С гиком, воем,
Тучей метких стрел...
А теперь он, видно, постарел,
Весь — в смятенье,
До предела взвинчен
Страшным приближением беды:
Двигается народ, больной и нищий,
И успеет до большой воды
Подойти вплотную к городищу.
У кого поднимется рука
На пришельцев, жаждущих спасенья?
Встретишь с миром
Смерть наверняка
Смоет Крутояр, как наводненье,
Если же ворот не открывать —
Тоже смерть бесчестная
В осаде...
Надо женщин и детей спасти!

Он срывает малахай в досаде
И хрипит в толпу:
— Бежать! Бежать!

8

Над Чичою солнечная грусть
Гладит тростниковые метелки.
Каждый шорох знают наизусть
В займище
Аборигены-волки.
Нынче среди них переполох,
Вздыблен ворс на холке волчьей стаи:
Ветерка едва заметный вздох
С лежки серых убежать заставил.
Словно тени, в зарослях скользят,
След во след.
И — веточка не треснет,
А за ними — запахи жилья,
Человека
И паленой шерсти
По пятам текут, текут...
Гуськом
За стадами и за табунами —
Кто на лошадях, а кто — пешком,
Где — по гривам, чаще — напрямиком
Крутоярцы с тусклыми глазами
В заозерье движутся с возами
За вконец уставшим стариком.
Только он — Седая Голова,
Доверяясь солнцу, ночью — звездам,
Знает путь к спасенью —
Острова!
Там от гнуса летом вязкий воздух,
Но растут крутые деревья.

Достигает пояса трава,
Берега, как соты, в птичьих гнездах.
В войлочном качаясь седле,
В горести старик:
Кому поведать,
Как юнцом безусым поседел?
А виной тому — гроза и Лебедь.
Колдовские чары.
На земле
Каждый своей участи достоин.
Бог Огня их разглядел во мгле,
Ослепил их разум красотой,
И друг друга обвинив во лжи,
В трусости для воина позорной,
Старшие схватились за ножи
В драке беспощадной и упорной
На краю у пропасти.
Для них
Не впервой за женщин было биться:
Лебедь не поделишь на двоих —
Кто слабей, тот должен отступиться.
А она, ни слова не сказав,
Изловчилась, пересилив робость,
Прыгнула, как дикая коза,
И копьём обоих — бац! —
И в пропасть.
И — к нему,
Притопнула ногой:
— Я княжна из рода Агаэтов.
Ты отныне будешь мне слугой —
Так повелевают духи Света;
Никогда у женщины другой
Не увидишь ты в глазах привета —
Духи Тьмы сказали мне об этом...
В горести старик.
Его печаль

Накопилась на дорогах странствий:
Женщины он в жизни не встречал
Более загадочной и властной,
Более холодной и прекрасной.
И теперь, сомненьями томим,
Чувством, будто паутина, лишким,
Он впервые понял, как раним:
Издали она простилась с ним
Ничего не значащей улыбкой.
Мол, прощай. Седая Голова!
Ты достоин большего вниманья,
И мое последнее желанье —
Пусть тебе помогут острова...
Впрочем, я завидую ему,
И хотя я тоже стал старейшим —
Недоступна моему уму
Логика воинствующих женщин.
Им природа, не скупясь, дала
Все, что матери
Для них просили...
Отвергая рабство и насилие,
Лебедь закусила удила
Странницы, пророчицы, мессии.

9

Слово вещее,
Как свет в ночи,
Озаряло сумрачные будни.
Воздавали славу ей кайчи
И шаманские глухие бубны.
Под звучанье их впадали в транс
Толпы, избавляясь от болезней...
А среди бескрайнейших пространств
Набухала завязь государств,
Вызревал из бронзы век железный —

Более воинственный и злой,
С хищным блеском
И острее жала.
От Уральских до Саянских гор
Не было бесценнее товара,
Чем железный нож или топор.
Кузнецы-алтайцы в Крутояре
Основали свой торговый двор.
Лебедь! Лебедь!
Век твой был непрост —
Колыбель и языков, и наций.
Крутояр —
Фортпост цивилизаций —
Два столетья, укрепляясь, рос
На путях воинственных миграций,
Воплотил твоих остатки грез —
Культ любви, добра и медитаций.
Так спеши!
Меня страшит исход
Без малейших шансов на спасенье.
Скоро, очень скоро у ворот
Изнуренный немочью народ
Разожжет костры поминовенья.

10

Этот мир по-своему жесток
Тщетностью, отмеченною свыше.
Не сужу!
Дар божий — не порок.
Без любви страдающий пророк
Только тенью может быть услышан.
Лебедь! С ее верой в благодать,
Жрицу добрых духов и надежды,
Крутоярцы, воеводы рать

Почитали более, чем прежде,
Лебединый уяснив канон,
Выверенный и умом и сердцем,
Что смертельно жалящий дракон
Их настигнет быстро и легко,
Если вымрут племена пришельцев.
Все для их спасенья!
Не жалеть
Ни одежды, ни запасов пищи —
Накормить, обмыть и обогреть,
Заварить бальзам из корневищей...
А Дракона можно одолеть,
Заманив за стены в городище:
Здесь в огне
Его настигнет смерть,
Как кошмой, укроет пепелище.
И пока еще звенит капель,
А душа в надрыве от разора:
Немощных — на выюки, как в постель,
И — на юг!
Где черный сапропель
И вода тяжелая в озерах
Беспредельно горько-солона;
От поры весенней до осенней,
Как слеза, сочувствия полна,
Силою живительной спасенья,
Что Землею щедро ей дана,
Исцеляет страждущих она
По благословию Вселенной.

11

Как вокруг событий не кружись,
Нагнетая страсти ради рифмы,
Понимаешь, что чужая жизнь

Это — тайна!
Тайной дорожить,
Как никто другой, умели скифы,
Потому посланцы неба — грифы —
Обязались верно им служить.
Лебедь, Лебедь,
Ты прости за все,
Если ненароком чем обидел;
Я, признаться, тоже потрясен
Тем, что мир таков, как очевиден
Большинству
И, как сказал Овидий,
Тем, кого на кладбище несем.
Нынче наша общая земля
Ноет, словно фронтовая рана,
И Москва с короною Кремля
Распростерла снова два крыла
Своего державного орла —
Может, поздно,
Может, слишком рано.
На одре дряхлеющих эпох
Неизбежен — ждем-с! —
Приход мессии.
Будет день!
И над больной Россией
Пронесется облегченья вздох.
В Крутояр по солнечной стезе
Под чичинским незабвенным небом
Потекут в невиданный музей,
Воссоединивший быль и небыль,
Толпы любопытных и друзей —
На пороге встретят солью-хлебом,
Как велит обычай на Руси.
А под восхищенный детский лепет
Над Чичой гортанно загрузит,
На волнах качаясь,
Черный лебедь..

МЕМОРИАЛЬНАЯ КЛЯКСА

(вместо послесловия)

Болотное в жизни нашей семьи — это отправная точка всех родных судеб. Наша мама, в девичестве Власова — дочь высокопоставленного партработника, изначально училась во второй школе, а потом в педучилище. А бабушка работала в этом же педучилище директором. После училища мама продолжила учиться в Новосибирском педагогическом институте и вернулась в Болотное учителем русского языка и литературы все в то же педучилище. К тому времени в Болотном уже всем был известен молодой корреспондент газеты «Путь Ильича», яркий и громогласный поэт Николай Тельпухов.

Они не могли не встретиться, и мы крайне рады, что наш папа не прошел мимо мамы — молодой и влюбленной в литературу Галины Сергеевны, и в 1966 году предложил ей руку и сердце. Сначала в роддоме на Комитетской родилась Елена, а потом уже Максим — это мы, дети Галины и Николая. К сожалению, мы мало помним Болотное — темные бревенчатые стены домов, круглый стол, покрытый кружевной салфеткой, да комод в углу. В домашнем архиве сохранилось много фотографий того времени и на них все те же кружева и комод.

В редакции вместе с отцом работал Михаил Павлович Кубышкин, которого отец почитал и считал своим учителем и, рассказывая о нем, частенько пытался передать своеобразное оканье Кубышкина. Где-то в 1987 году мы приобрели старенький катушечный магнитофон, и отец достал

откуда-то из потайных ящичков магнитную ленту с записью голоса Кубышкина, читающего свою поэму «Кисельные берега». Мы помним эту запись, но во время переездов она, к несчастью, потерялась.

Мама была первым слушателем и критиком стихов нашего отца, он читал ей на кухне громко, с выражением и беспощадно жестикулируя, потом они много разговаривали о литературе, спорили. Мы — дети знаем как много сделала мама для укрепления нашей семьи, и для становления поэта Николая Тельпухова, и, думаем, терпела его эмоциональные выбросы только потому, что понимала — перед ней настоящий и очень талантливый человек. Именно в Болотном под влиянием писателя Кубышкина и филолога — нашей мамы, произошло формирование будущего поэта. Потом отца переводили главным редактором из одного района в другой — такая кадровая ротация была привычной для тех лет. Наши родители давно умерли и похоронены в Здвинске.

Мы далеки от литературы, но крайне благодарны нашей родине — Болотнинскому району и его жителям, которые помнят замечательных своих сыновей и дочерей и создают удивительную серию книг писателей-земляков. Как это важно всем — и нам — родным и близким, и болотнинцам — помнить и чтить память выдающихся земляков.

Удивительно, но вдруг сбылась мечта нашего отца, которую он высказал как всегда с загадной: «...оставить потомству мемориальную кляксу».

С глубоким чувством благодарности

Максим и Елена Тельпуховы

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Чуховской. Зеленый чай</i>	5
<i>В. Молодин. Не оскудеет талантами земля наша Сибирская!</i>	9
<i>Н. Хмелев. Неутомимый путешественник</i>	12
<i>Н. Александров. Граница высшего поэтического знания</i>	16

СТИХИ

«Дом родной...»	36
Погоня	37
«Округи контуры означив...»	38
«Посадил я под окнами вишню...»	39
Зеленый чай	40
«Иван-чай, иван-чай...»	41
Костер	42
Сазан	43
«Весь торжество, когда сажусь за вёсла...»	44
«Пустеет улица под вечер...»	45
«Зябкий свет...»	46
«Отливала капуста матово...»	47
«Уже трава щекочет колко взгорья...»	48
«Прощальный круг кленового листка...»	49
«Всё отцвело...»	50
«Здравствуй, август...»	51
«Чтобы осень была нестрога...»	52
«Покемарим чуток...»	53
«Есть у осени тихая пристань...»	54
«Холод близко...»	54
Изморозь	55
«У ночи было новоселье...»	56
«Я ждал зимы бодрящей и морозной...»	57
«Уже, как нищим подаянье...»	58
Жалейка	59
Окно	61
Жене Галине	62
Разговор с тещей	63
«А где ж тот берег, мной любимый...»	64
Рождение жеребенка	65
«В степной ковыльной глухомани...»	66

«Эгей, мое раздолье...»	67
Волчья смерть	68
Мой век	69
«Говорят, — у последней черты...»	71
«День и ночь бродят мысли за мной...»	72
«Что ни день, то упорней тружусь...»	73
Ностальгия	74
«Болячки прошлого...»	75
«В сентябре...»	76
«Как будто стынь и холодок внутри...»	77
«Всё короче та самая нить...»	78
«Загулял, закеросинил...»	79
«Вчера был добрым...»	80
На склоне лета	81
«Такая еще робкая трава...»	82
«Не во сне, не в бреду — наяву...»	84
«В глуши дремотного таёжного безлюдья...»	85
«Зачем мне в прошлое путеводитель...»	86
«Холодны глаза, улыбки, звуки...»	87
Покаяние	89
«Поражаюсь природы замыслу...»	93
«Был мечтами богат, как Крёз...»	95
«Наливается злаковый колос...»	96
«Книги, книги...»	97
«Солнце в тучах дыру протаяло...»	98
«Венок сонетов — мысли мастерство...»	99
«Я знаю невесомость...»	100
«Ночь. Костёр...»	101
«Ни счёта, ни износа, ни старенья...»	102
«Мне грустно...»	103
«Вас скликаю...»	104
«Ко мне знакомый баритон...»	106
«Будет день...»	107
«Привет, дружище!»	108
«Страшусь Иудина двуличья...»	109
«В свой божий дар теряя веру...»	110
На окраинах тысячелетий	111
«Из бездны мглы...»	115
«Цвела земля...»	116
«Вновь, как охотника на тягу...»	118
«Усталая молитвенность в природе...»	119
Ода родословной	120
«Вселенский мир, твои пределы...»	122

«Еще не сумерки...»	123
Мамонты	125
Кандалы	126
«Погас камин...»	127
«На нагорье схимник одинокий...»	128
«Берегите иконы...»	129
Отвергнутый небом	131
Вперёд, история, вперёд!	133
«Как странно!..»	135
Откровение	136
«Куранты бьют...»	138
«Жизнь меняется не без последствий...»	139
«Весна... В полях курлыканье...»	140
«Что было, то было — расколу потрафили...»	141
«В туманы ли, штормы ли...»	142
«Россия и тройка — символика ясности...»	143
«Безумный век!..»	144
«Нет настоящему возврата...»	145
«Изменю расчетливых научен...»	146
«Снова удивленье, неожиданность...»	147
Кенотаф	148
Безымянный	150
«Есть мнение!..»	151

БАЛЛАДЫ

Баллада о жестокости	158
Баллада о правде	160
Баллада о скифском поэте	161
Баллада о неизбежном	163
Баллада о слове	164
Баллада о славе	167

ПОЭМЫ

Среди живых	170
Отшельник	183
Бугровщики	207
Люди и песня	217
В эдемских куцах	225
Сказание о Лебеди Черной	234

Елена и Максим Тельпуховы.

Мемориальная клякса (вместо послесловия)	251
--	-----

Николай Иванович Тельпухов

ЛЕБЕДЬ ЧЕРНАЯ

Сборник стихов

Редактор *Н. Александров*
Корректор *В. Ярко*
Обложка *Е. Васильева*
Верстка *О. Вялкова*

Подписано в печать 12.01.2022 г. Формат 60х84/16.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19, оф. 11
e-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, e-mail: zakaz@dealprint.ru